

ВОЛЬФГАНГЪ ГЁТЕ.



КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ,

обзоръ содержанія нѣкоторыхъ поэтическихъ его произведеній
и извлеченіе изъ таковыхъ

въ переводѣ русскихъ писателей,

съ приложеніемъ портрета Гёте.



*По, имѣющимъ въ нашей новѣйшей литературѣ,
данномъ, составилъ ко дню 150 лѣтняго юбилея
рожденія великаго поэта и ученаго.*



В. Шаблевичъ.



МОСКВА.

Типографія Торговаго Дома М. Г. Волчанинова и Н. Н. Шарпова.
Кудринская ул., д. Кирѣевой.

1899.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЁТЕ.



КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ,

обзоръ содержанія нѣкоторыхъ поэтическихъ его произведеній
и извлеченіе изъ таковыхъ

въ переводѣ русскихъ писателей,

съ приложеніемъ портрета Гёте.



*По, имѣющимъ въ нашей новѣйшей литературѣ,
данномъ, составилъ ко дню 150 лѣтняго юбилея
рожденія великаго поэта и ученаго.*



В. Шаблеви ч ъ.



МОСКВА.

Типографія Торговаго Дома М. Г. Волчаннинова и Н. Н. Шарпова.
Кудринская ул., д. Кирѣевой.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, сентября 11 д. 1899 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Вѣкъ вѣковать—не поле перебѣжать“, говоритъ у насъ простонародье и очень вѣроятно, что въ добросовѣстно составленной біографіи или жизнеописаніи каждаго человѣка найдется не мало интереснаго, а, тѣмъ болѣе интересны: біографія долгой жизни, мысли и взгляды, выразившіеся въ произведеніяхъ, столь замѣчательнаго человѣка, какъ великій германскій поэтъ и ученый Гёте. Истинное отечество великихъ поэтовъ—все доброе, великое, благородное, не принадлежащее исключительно ни одной націи, почему и они сами являются гражданами всего человѣчества и всѣмъ націямъ любопытны и небезполезны ихъ произведенія. Многія сочиненія Гёте много разъ были переведены на русскій языкъ, однако, навѣрно, знакомы далеко не всѣмъ и думаемъ, что и нашъ маленькій трудъ принесетъ нѣкоторую долю пользы, способствуя ихъ популяризаціи, а какъ—маленькій и потому дешевый, онъ болѣе доступенъ большинству нашей небогатой читающей публики, которая, конечно, въ немъ не найдетъ всего того, что можно найти въ болѣе крупныхъ изданіяхъ, но „не сразу города строятся“, во всемъ же, самый естественный ходъ—отъ малаго къ большому.

В. Ш.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть</i>
1	7 сверху	второго	второго
"	16 "	императорскаго	Имперскаго
18	10 "	в іян'я	вліян'я
"	11 "	пессимизма	пессимизма
"	12 "	опаанымъ	опаснымъ
22	1 снизу	ъв	въ
32	6 сверху	Вульпусъ	Вульпусъ
"	10 снизу	дородихъ	дорогихъ
49	13 сверху	авансценѣ	авансценѣ
73	6 снизу	Плиствена	Плистепа
95	1 "	Платона	Зезона (362— 273 до Р. X.)



Г Л А В А I.

Происхожденіе Гёте и молодые годы его жизни.

(1749—1771 г.).

Въ 1667 году во Франкфуртъ на Майнѣ пришелъ изъ Тюрингіи молодой портной Фридрихъ Георгъ Гёте ¹⁾ и рѣшился поселиться здѣсь. Благодаря своему прилежанію и очень выгодной второй женитвѣ на богатой вдовѣ, владѣтельницѣ большой гостинницы, онъ разбогатѣлъ такъ, что могъ дать дѣтямъ хорошее образованіе. Отецъ поэта Іоганъ Гаспаръ Гёте былъ третьимъ сыномъ портного отъ его втораго брака. Онъ родился въ 1710 г., съ успѣхомъ прошелъ классическую школу и въ университетѣ получилъ степень доктора юридическихъ наукъ. По окончаніи курса онъ отправился въ Италію, гдѣ занимался итальянскимъ языкомъ, искусствами и древностями, а по возвращеніи въ родной городъ, вполне обеспеченный тѣмъ, что осталось ему отъ отца, онъ отказался отъ какой бы то ни было «хлѣбной» дѣятельности и даже не захотѣлъ служить по выборамъ, не желая подвергаться риску боллотировки. Отъ несчастнаго императора Карла VII ²⁾ онъ получилъ титулъ император-

¹⁾ Нѣмецкіе изслѣдователи прослѣдили родословное дерево фамиліи Гёте до середины XV столѣтія. Фамилія Геце или Гёте происходила изъ Юз. Германіи и имѣла въ числѣ своихъ представителей въ разное время нѣсколькихъ поэтовъ, музыкантовъ и живописцевъ; отецъ упоминаемаго здѣсь портнаго былъ кузнецомъ въ Артернѣ въ графствѣ Мансфельдъ.

²⁾ Императоръ Карлъ VI, умирая въ 1740 г. завѣщалъ престолъ своей дочери Маріи-Терезіи, но тотчасъ послѣ его смерти началась война за австрійское наслѣдство, продолжившаяся 8 лѣтъ. Во время этой войны курфирстъ Баварскій Карлъ-Альбертъ съ помощью французовъ занялъ Богемію и былъ избранъ императоромъ подъ именемъ Карла VII въ 1742 г.

скаго совѣтника и имъ довольствовался во всю свою остальную жизнь. 38-ми лѣтъ отъ роду онъ женился на хорошенькой 17-ти лѣтней дочери городского головы—доктора Текстора (латинизация фамилии «Веберъ»). Тексторъ былъ очень образованный человѣкъ, по дочь его отъ природы дѣвушка умная, съ очень живою фантазійю, получила обыкновенное образованіе, какое давали въ то время въ Германіи своимъ дочерямъ бюргеры. Своего 38-ми лѣтняго, важнаго и гордаго и уже довольно толстаго супруга она любить не могла, но никогда не любила и никого другого, если не считать ея дѣтки-романическаго увлеченія несчастнымъ императоромъ Карломъ; характеръ мужа былъ, правда, нѣсколько тяжеловатъ, но ровный и спокойный и она, по своему, была счастлива.

28 августа 1749 года у нихъ родился первый ребенокъ, котораго дѣдушка Тексторъ окрестилъ Іоганномъ-Вольфгангомъ¹⁾. Время появленія на свѣтъ поэта, въ политическомъ отношеніи было, сравнительно, покойное: ахенскій миръ закончилъ силезскую войну, а до семилѣтней было еще далеко. Германія была слаба вслѣдствіе розни нѣмецкихъ государствъ, владѣтели коихъ силились играть въ своихъ уголкахъ роль маленькихъ Людовиковъ Великихъ. Австрія, разбитая на части, уже сыграла свою роль въ Германіи, но къ новымъ задачамъ еще не могла приступить. Пруссія управлялась Фридрихомъ, великимъ политикомъ, который соединилъ геній съ небывалою наглостью и безсовѣтностью и сумѣлъ сдѣлаться чуть не рѣшителемъ судебъ Европы. «Установленный» порядокъ достигъ высшей точки своего

но вмѣсто дѣятельнаго продолженія военныхъ дѣйствій онъ отправился на коронацію во Франкфуртъ; между тѣмъ, Марія-Терезія сумѣла воодушевить Венгровъ, Кроатовъ и Тирольцевъ, которые вытѣснили Баварцевъ и ихъ союзниковъ Французовъ и даже заняли столицу Баваріи Мюнхенъ. Карлъ VII посѣдѣлъ въ Мюнхенѣ и въ 1745 г. умеръ скоропостижно. Однако союзникъ его, кор. Пруссіи Фридрихъ II удержалъ за собою Силезію, что потомъ и было причиной семилѣтней войны (1756—1763 г.), во время коей въ союзъ съ Австріей были: Франція, Россія, Саксонія и Швеція.

1) Гёте долго послѣ рожденія не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни, такъ что миръ едва не лишился одного изъ величайшихъ своихъ свѣтилъ въ самый моментъ его рожденія, благодаря невѣжеству повивальной бабки.

развитія, съ которой начинается распаденіе; темная сторона этого порядка была видна для лучшихъ людей, но о радикальномъ его измѣненіи не подымался еще вопросъ. Въ нѣмецкой литературѣ, послѣ долгой спячки, было сильное движеніе: появились первыя пѣсни «Мессіады» Клопштока и выступили на литературное поприще Виландъ и Лессингъ. Масса грамотныхъ нѣмцевъ находилась подъ давленіемъ иностранныхъ образцовъ, но въ лучшихъ умахъ зарождалась идея о національной, независимой наукѣ и литературѣ.

Франкфуртъ на Майнѣ—городъ весьма удобный для развитія нѣмецкаго гения: въ немъ болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, остатковъ исторической старины, но въ тоже время въ немъ, какъ въ важномъ торговомъ пунктѣ, много иностранцевъ и культура, по крайней мѣрѣ внѣшняя, стоитъ очень высоко. Дворянство никогда не играло тамъ видной роли; сила принадлежала бюргерамъ-патриціямъ, которые стремились уподобиться дворянамъ, усвоивъ лучшія ихъ стороны: манеры и стремленіе къ образованію. Старина сказывалась на каждомъ шагу: въ зданіяхъ, въ процессіяхъ, въ строгомъ отдѣленіи еврейскаго квартала, который запирался на почъ цѣпями. Какъ ни дорожили патриции своими правами, они не могли обособиться отъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей и дѣти ихъ играли на тихихъ улицахъ вмѣстѣ съ уличными ребятами; сынъ имперскаго совѣтника Гёте не могъ отдѣлать себя отъ дѣтей народа.

Гёте говоритъ, что онъ отъ отца унаслѣдовалъ высокой станъ и серьезное отношеніе къ жизни, а отъ матери веселость и страсть къ рассказамъ ¹⁾. Отецъ Гёте былъ человекъ строгій

²⁾ Вольфгангъ горячо любилъ свою мать и, безъ сомнѣнія, отъ нея палѣдовалъ лучшія стороны своего душевнаго склада. Отца онъ любилъ меньше, хотя и сознавалъ, что обязанъ ему многимъ. Онъ говоритъ:

Отцу обязанъ ростомъ я,
 Серьезной въ жизни пѣльгъ,
 Отъ матушки любовь моя
 Къ рассказамъ и веселью
 Мой дѣдъ красавицамъ былъ радъ,
 И я въ томъ грѣшенъ, каюсь;
 Любила бабушка нарядъ
 И я,— не отрекаюсь

къ себѣ и къ другимъ; внѣ дома у него почти не было дѣлъ, что имѣло свои хорошія и дурныя стороны: онъ могъ тщательно заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, но за-то легко могъ и пересолить въ этомъ отношеніи, оказывая противодѣйствіе такимъ сторонамъ дѣтскаго характера, которымъ слѣдовало бы предоставить полную свободу. Онъ составилъ оригинальный планъ для обученія Вольфганга, въ которомъ, кромѣ языковъ древнихъ и новыхъ, игралъ видную роль элементъ реальный, современный: для упражненія въ нѣмецкомъ стилѣ и въ переводахъ на латинскій и греческій онъ давалъ ему темы изъ быденной жизни и современной политики и требовалъ серьезнаго отношенія къ содержанію; онъ понималъ, что ничто такъ не дѣйствуетъ на дѣтей, какъ примѣръ и 50-ти лѣтъ началъ учиться по-англійски, для компаніи сына.

Молодая жена представляла полный контрастъ своему мужу: веселая, живая и остроумная женщина, она не была строгою матерью; ей было всего 18 лѣтъ, когда родился Вольфгангъ; когда онъ сталъ подрастать; она держала себя съ нимъ скорѣе какъ старшая сестра. «Вольфгангъ и я были молоды вмѣстѣ», говорила она впослѣдствіи. Гёте съ восторгомъ вспоминаетъ о сказкахъ, которыя она рассказывала ему по вечерамъ; когда запасъ памяти истощился, она стала импровизировать новыя сказки, въ которыхъ дѣйствовали, окружающіе, люди и предметы. Когда она не успѣвала окончить рассказъ въ одинъ вечеръ, ребенокъ самъ придумывалъ развязку и мать на другой день сообразовалась съ его желаніями. Она дожила до полной славы своего сына и, какъ женщина очень даровитая, не чувствовала себя неловко въ обществѣ, высокопоставленныхъ, друзей сына; но у нея былъ одинъ недостатокъ, который она передала сыну— это слишкомъ тонкая чувствительность, переходящая въ эгоистическое удаленіе отъ страданій: фрау Аии старалась уйти отъ всего печальнаго и когда сынъ ея былъ боленъ при смерти,

И если въ пѣломъ часто всѣ
Срослись такъ радикально,
То вотъ оно во всей красѣ:
Что въ немъ оригинально?

Перев. Н. Холодковского.

она просила не говорить ей никогда объ этомъ. «Вѣдь я не могла бы помочь ему», оправдывалась она позднѣе. Когда умеръ Шиллеръ, Гёте не хотѣлъ видѣть лица его.

Эстетическое образованіе Вольфганга Гёте началось очень рано: онъ разсматривалъ виды городовъ и памятниковъ Италіи, которыми отецъ его увѣшалъ стѣны своихъ комнатъ въ воспоминаніе о путешествіи. Когда ему было 4 года, бабушка подарила ему кукольный театръ, который, не много позднѣе, доставилъ ему большое наслажденіе такъ поэтично описанное въ «Вильгельмъ Мейстеръ». Вольфгангъ охотно игралъ только съ очень красивыми дѣтьми, такъ рано развилось въ немъ чувство красоты. Грамотѣ выучился онъ играя; когда же ему было шесть лѣтъ, отецъ посадилъ его за латышь, а чрезъ нѣсколько времени за греческій и французскій; по англійски выучился Вольфгангъ самъ, прислушиваясь къ урокамъ, которые отецъ давалъ его сестрѣ Корнеліи. Корнелія была на 15 мѣсяцевъ моложе брата и единственная подруга его игръ ¹⁾; другіе дѣти совѣтника Гёте умерли въ младенчествѣ.

Восьми лѣтъ отъ роду Гёте уже переводилъ съ нѣмецкаго на латинскій, греческій и французскій и писалъ небольшія сочиненія; это раннее умственное напряженіе, при условіи хорошаго руководства и отличныхъ способностяхъ, не принесло ребенку ни малѣйшаго вреда, напротивъ на всю жизнь дало ему увѣренность въ своихъ умственныхъ силахъ.

Гёте не былъ въ школѣ и это обстоятельство, быть можетъ, объясняетъ его нерасположеніе къ толпѣ, къ слѣдованію за общимъ потокомъ, но образованіе ума и энергія характера, конечно, не пострадали отъ этого.

1756 г. началась семилѣтняя война; во Франкфуртѣ, какъ въ городѣ старомъ, австрійская партія была сильна и къ ней принадлежать дѣдъ поэта, городской голова Текеторъ, тогда какъ либеральный ²⁾ совѣтникъ былъ на сторонѣ Фридриха; между тестемъ и зятемъ часто происходили ожесточенные, политиче-

¹⁾ Въ концѣ 1773 г. Корнелія вышла замужъ за Георга Шлоссера. Она умерла въ половинѣ 1777 г.

²⁾ Гр. Ауэръ-Смергъ—австрійскій поэтъ-политикъ (1706—1876 г.) говоритъ: «Либерализмъ слово эластичное, подъ которымъ каждый можетъ разумѣть,

скіе споры; ребенокъ очень любилъ своего дѣда, но, по инстинкту, становился на сторону отца.

Мальчикъ въ это время читалъ очень много для своего возраста и отецъ неособенно строго регулировалъ его чтеніе, хотя и выражалъ удовольствіе, если видѣлъ въ рукахъ сына книгу, которую считалъ особенно полезной. Памятью Вольфгангъ обладалъ удивительной и выучивалъ добровольно массу нѣмецкихъ стиховъ; рано началъ онъ пробовать свои силы въ подражаніи и отецъ смотрѣлъ на это съ большимъ удовольствіемъ; онъ даже задавалъ ему сочинять стихи, какъ упражненіе при изученіи метрики¹⁾. О религіозныхъ вопросахъ онъ сталъ тоже задумываться очень рано и когда ему было 8 лѣтъ, построилъ изъ кусковъ разныхъ рудъ алтарь своему божеству, а наверху поставилъ курительную свѣчку.

Въ 1759 году во Франкфуртъ вступила часть французской арміи, что измѣнило чинную и степенную жизнь этого города; сами сторонники Фридриха, смотрѣвшіе на Французовъ какъ на враговъ, сознавали, что въ городѣ стало гораздо веселѣе: появилась французская труппа, начались спектакли, которые чередовались съ спектаклями нѣмецкой труппы. Десятилѣтній Гёте въ это время выучился порядочно говорить по французски и впервые испыталъ сильное впечатлѣніе къ театру. Онъ имѣлъ теперь возможность пересмотрѣть рядъ произведеній «классиковъ» и основателя новой драмы Дидро, причѣмъ почувствовалъ желаніе сочинять для театра. Вообще, всѣ занятія Вольфганга шли хорошо за исключеніемъ одной математики, которой онъ не сочувствовалъ²⁾; между прочимъ, онъ самъ заинтере-

что ему угодно; слово, которымъ страшно злоупотребляютъ; понятіе, въ рамкѣ котораго укладываютъ то, за что оно въ сущности отвѣчать не должно. На мой взглядъ — человекъ съ либеральными понятіями есть тотъ, кто съ уваженіемъ и честно относится къ праву вездѣ гдѣ его находятъ, кто также честно ищетъ его тамъ, гдѣ сомнѣвается въ его существованіи, а разъ найдя его усиливается осуществить его на дѣлѣ. Что же касается свободы, то она не есть наслажденіе, а трудъ, неуспѣшная работа надъ великими, культурными задачами современнаго государства“.

¹⁾ Метрика искусство складывать стихи.

²⁾ Слѣдя за его біографіей въ этотъ ранній періодъ, не знаемъ чѣму больше удивляться, говорить Н. А. Холодковскій), легкости-ли, съ какою онъ усваивалъ всякія свѣдѣнія, многосторонности-ли его интересовъ или

совался еврейскимъ языкомъ и отецъ охотно взялъ ему учителя; по еврейски Гёте не выучился, но его попытка читать библію въ оригиналѣ не осталась безъ вліянія на художественное развитіе. Въ тоже время, Гёте занимался музыкой, рисованіемъ и тѣлесными упражненіями: фехтованіемъ, гимнастикой и верховой ѣздой.

Въ 1762 г. Французы ушли изъ города, а совѣтникъ Гёте увидалъ, что сынъ его подростъ и развился на столько, что ему можно предоставить значительную долю свободы, будучи же большимъ охотникомъ живописи, онъ, по мѣрѣ средствъ, заказывалъ картины и посылалъ сына слѣдить за исполненіемъ ихъ. Художники охотно совѣтовались съ умнымъ и начитаннымъ мальчикомъ относительно сюжетовъ, а будущему поэту посѣщеніе мастерскихъ, конечно, приносило большую пользу. Кромѣ художниковъ, на него имѣло вліяніе общество дѣвушекъ, подругъ его сестры—Корнеліи.

Въ 1764 г. во Франкфуртѣ происходило коронованіе Эрцгерцога Іосифа ¹⁾; городъ наполнился пріѣзжими; занятія будущаго поэта были прерваны и ему была предоставлена полная свобода, которою онъ воспользовался не особенно хорошо: онъ сошелся съ молодыми людьми, стоящими ниже его по общественному положенію: писарями адвокатовъ, приказчиками и проч. Одинъ изъ нихъ познакомилъ молодаго Гёте съ своей сестрой Гретхенъ, красивой дѣвушкой, добывавшей пропитаніе трудомъ рукъ своихъ, и Гёте влюбился въ нее. Взрослая дѣвушка не могла отвѣчать любви полуробенка, но ей льстило его вниманіе и она находила удовольствіе въ его обществѣ. По просьбѣ одного изъ новыхъ товарищей, Гёте чрезъ дѣда Текетори досталъ мѣсто какому то подозрительному человѣку, который скоро проворовался и изъ этого возникло судебное слѣдствіе, къ которому и Гретхенъ была привлечена въ качествѣ свидѣтельницы.

его гигантской силѣ воли, съ помощью которой, дѣсятилѣтній мальчикъ досигъ весьма порядочнаго знанія языковъ, искусствъ и нѣкоторыхъ ремеслъ, которымъ онъ выучился, знакомясь съ бѣднымъ населеніемъ Франкфурта при прогулкахъ по городу и его окрестностямъ.

¹⁾ Императоръ Австрійскій Іосифъ II, царствовавшій отъ 1764—1790 г.

Разсказывая о своемъ знакомствѣ съ молодымъ Гёте, она называла его ребенкомъ, къ которому она не могла чувствовать ничего, кромѣ дружбы. Гёте былъ огорченъ вдвойнѣ: такимъ отзываетъ любимой дѣвушки ¹⁾ и справедливымъ гнѣвомъ отца за всю эту кутерму и за нахождение въ дурномъ обществѣ. Онъ сильно загрустилъ и даже заболѣлъ; оправившись, онъ былъ очень радъ, что отецъ приставилъ къ нему гувернера, чтобы тотъ ускорилъ приготовленіе юноши къ университету. Гувернеръ былъ молодой человекъ и даровитый воспитанникъ быстро сошелся съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Въ это время Гёте въ первый разъ почувствовалъ интересъ къ философіи; онъ мечталъ всецѣло посвятить себя наукамъ и занять впоследствии профессорскую кафедру. Его усиленные занятія только изрѣдка прерывались посѣщеніемъ театра, страсть къ которому у него не ослабѣвала.

Въ 1765 г. Гёте отправился въ Лейпцигскій университетъ. Отецъ, самъ юристъ, непремѣнно желалъ сдѣлать юристомъ и своего сына. Вначалѣ Вольфгангъ усердно посѣщалъ юридическія лекціи, но скоро потерялъ къ нимъ всякій интересъ. Дальше удержалось у него стремленіе серьезно заниматься общеобразовательными предметами: логикой, моральной философіей, но лекціи и по этимъ предметамъ мало удовлетворяли его. Онъ слушалъ, между прочимъ, и знаменитаго Геллерта и во многомъ симпатизировалъ ему, но не могъ раздѣлять его отрицательнаго взгляда на поэзію. Обѣдая у профессора Людвигъ въ обществѣ студентовъ-медиковъ, подъ влияніемъ разговоровъ съ ними, онъ увлекался, нѣкоторое время, естественными науками и медициной ²⁾, но гораздо большее влияние на Гёте оказало не студенческое общество «нѣмецкаго Парижа». Въ Лейпцигѣ оказалось, что и костюмъ его сшить не по модѣ, и манеры грубоваты и рѣчь изобилуетъ провинціализмами и Лейпцигскія дамы охотно

¹⁾ Для меня не выноσιма была мысль, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, — что дѣвушка, имѣвшая какихъ-нибудь два года больше меня отъ роду, могла считать меня ребенкомъ, тогда какъ самому себѣ я казался уже ловкимъ, взрослымъ мужчиною.

²⁾ Впоследствии Гёте жестоко осмѣялъ Лейпцигское преподаваніе логики и метафизики и юриспруденціи въ знаменитомъ университетскомъ профессорѣ Мефистофелѣ съ ученикомъ въ „Фаустѣ“.

взялись за переводомитаніе красиваго юноши. Одной изъ нихъ, женѣ профессора Беме, Гёте сказалъ о своихъ поэтическихъ опытахъ и прочелъ нѣкоторые изъ нихъ, но она не только осудила ихъ на сожженіе, а доказала юношѣ, что и тѣ образцовые поэты, которымъ подражалъ онъ, не заслуживаютъ своей славы. Гёте послѣдовалъ совѣту ш-ше Беме, но глубоко огорчился.

Оправившись отъ всѣхъ неудачъ. Гёте энергично принялся за чтеніе и за развитіе своего вкуса. Подъ вліяніемъ Лессинга ¹⁾ онъ изучаетъ Шекспира ²⁾, о которомъ въ Германіи больше говорили, чѣмъ знали. «Минна фонъ Барнгельмъ» Лессинга произвела на Гёте очень сильное впечатленіе: онъ много разъ читалъ ее, видѣлъ на сценѣ и даже самъ игралъ въ ней. Скоро онъ снова возвратился къ стихотворнымъ опытамъ, но относился къ нимъ значительно строже, чѣмъ прежде и подъ вліяніемъ Лаокона Лессинга онъ отдался изученію искусства.

Черезъ своего земляка Шлоссера Гёте познакомился съ семействомъ образованнаго виноторговца Шенкопфа, у котораго была дочь Анна-Катарина—дѣвушка красивая, неглупая и живая, на 3 года старше Гёте, Гёте влюбился въ нее и она отвѣчала ему сходнымъ чувствомъ. Молодые люди могли быть счастливы, если-бъ Гёте не мучилъ свою возлюбленную капризами и сепами, неосновательной, ревности, въ которыхъ, вѣроятно, выражалось его невѣріе въ дѣйствительность и силу этой любви. Гёте и самъ сознавалъ не правоту свою, но ему отъ этого не было легче. Тогда онъ въ первый разъ прибѣгъ, къ обычному у него впослѣдствіи, средству раздѣлываться съ внутренними неурядицами,—къ творчеству.

Самъ Гёте ввелъ въ домъ Шенкопфовъ молодаго адвоката Канне; человѣка, неотличившагося особенными достоинствами, но жениха вполне приличнаго. Кетхенъ и Канне понравились другъ другу и Гете съ грустью увидѣлъ, что они сойдутся близко. Съ горя онъ предался всѣмъ удовольствіямъ Лейпцигской

¹⁾ Лессингъ родился въ 1729 г. „Быть можетъ искусству надо еще усовершенствоваться въ Германіи, но германскій умъ уже обратился къ природѣ. Это истинный путь! Да идетъ онъ этимъ путемъ!“ сказалъ Дидро, прочитавъ Лессинга. Дидро—одинъ изъ франц. Энциклопедистовъ XVIII в. (1713—1784) Им. Екатерина II откупила его библіотѣку за 500 т. ливровъ.

²⁾ Шекспиръ величайшій изъ англійскихъ драматическихъ писателей жилъ отъ 1564 до 1616 г.

жизни; онъ былъ уже своимъ человѣкомъ за кулисами театра, писалъ стихи дебютанткамъ и концертанткамъ, сочинялъ пародіи, быстро расходившіяся въ спискахъ; но въ то же время онъ не переставалъ и усиленно читать и работать; короче сказать, онъ жегъ свѣчу жизни съ обѣихъ концовъ. Результатомъ этого была довольно серьезная болѣзнь: у него пошла кровь горломъ; кровотечение остановили, но явились другіе болѣзненные припадки и Гёте, по совѣту докторовъ, рѣшился отправиться на родину.

Въ это время на родинѣ, Гёте сблизился съ старинной подругой его матери, не молодой дѣвицей фонъ-Клеттенбергъ, видѣвшей въ жизни много горя и теперь успокоившейся на религіи. Клеттенбергъ, впоследствии поэтически воспроизведенная въ «Вильгельмъ Мейстеръ» (признанія прекрасной души), снова обратила вниманіе юнаго поэта на религіозные вопросы и онъ перечиталъ много книгъ по мистическому богословію и по исторіи церкви. Та же Клеттенбергъ посовѣтовала ему обратиться за совѣтомъ къ доктору алхиміку ¹⁾; отъ его ли лѣченія или отъ времени, Гёте почувствовалъ быстрое облегченіе и самъ заинтересовался, тагъ называемыми, тайными науками, даже устроилъ у себя небольшую лабораторію. Въ то же время онъ занимался и медициной.

Отдохнувъ полтора года, Гёте, по совѣту отца, отправился окачиваться науки не въ Лейпцигъ, а въ Стразбургъ. Теперь онъ былъ уже не полумальчикъ, а вполне сложившійся молодой человѣкъ, кое-что пережившій и много читавшій и думавшій. Умъ его еще не вполне созрѣлъ, но неустанное стремленіе къ истинѣ и красотѣ уже стало лозунгомъ его жизни. Его энергическая и вмѣстѣ съ тѣмъ почти женски граціозная фигура и его большіе свѣтлые глаза съ огромными зрачками, производили на всѣхъ, кто видѣлъ его въ первый разъ, сильное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ свою силу и вѣрилъ въ себя, но ясно созна-

¹⁾ Алхимія (тайная наука) — прородительница темерешней химіи, отличалась отъ послѣдней тѣмъ, что все производилось ошупью, безсознательно, точно также, какъ въ настоящее время дѣлается у насъ въ сельскомъ хозяйствѣ нашихъ практическихъ, но безъ научной подготовки хозяевъ, чѣмъ хозяйство ихъ и отличается отъ правильнаго научнаго хозяйства.

валъ пробѣлы въ своемъ, далеко еще незаконченномъ образованіи и недостатки своего темперамента и характера и старался пополнить первое и энергично боролся съ послѣдними 1).

Самое важное значеніе въ литературномъ развитіи Гёте во время его пребыванія въ Стразбургѣ имѣло его знакомство съ Гердеромъ, который пріѣхалъ сюда лѣчить глаза. Гердеръ, бывшій на 5 лѣтъ старше Гёте, уже пользовался большою литературною извѣстностью и Гёте былъ изъ числа его поклонниковъ. Это знакомство сформировало, еще бродившія идеи Гёте, въ головѣ котораго тогда же зародились планы нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, между прочимъ Геца фонъ Берлихингенъ и, можетъ быть, Фауста. Но съ Гердеромъ онъ не дѣлился своими планами; тотъ не предвидѣлъ его будущаго величія и считалъ только славнымъ малымъ, къ сожалѣнію, весьма легкомысленнымъ.

Въ первое время пребыванія въ Стразбургѣ, Гёте, повидимому, искренно радовался, что свободенъ отъ любви и сравнивалъ свою жизнь съ путешествіемъ въ экипажѣ, откуда можно спокойно смотрѣть на окружающіе виды и картины жизни. Но скоро положеніе его измѣнилось. Онъ влюбился въ Фредерику, дочь пастора Вріона, изъ, недалекаго отъ Стразбурга, села Зессенгейма. Между молодыми людьми началась дружеская переписка и Гёте считался, если не женихомъ, то счастливымъ поклонникомъ Фредерики, представлявшей собою идеаль нѣмецкой дѣвушки, совмѣщавшей покой съ движеніемъ, крайнюю живость съ отсутствіемъ всякой рѣзкости и привлекательность съ полнѣйшей простотой.

Для диссертациі Гёте выбралъ довольно любопытную тему: «о необходимости государственной религіи», характеризующую,

1) Онъ мучилъ себя, приучая къ рѣзкимъ звукамъ, страшнымъ зрѣлищамъ и отучая себя отъ головокруженія. Его записная книжка наполнена выписками и замѣтками на всѣхъ, извѣстныхъ ему языкахъ, свидѣтельствующими о томъ, какъ много и какъ внимательно онъ читалъ. Чтобы преодолѣть свою чувствительность къ рѣзкимъ звукамъ, онъ становился возлѣ солдатъ, бившихъ въ барабанъ; желая отучиться отъ головокруженія, — влѣзалъ на самую высокую изъ башенъ собора, а чтобы приучить себя къ тяжелымъ, отвратительнымъ зрѣлищамъ, — посѣщалъ анатомическій театръ, хирургическую елинику и т. и.

впрочемъ, не столько убѣжденія его, сколько чисто формальное отношеніе къ своему докторскому диплому; но диссертация не была принята и ему предложили защищать нѣсколько, избранныхъ изъ нея тезисовъ, для полученія диплома на степень лиценціата, которая, по служебнымъ правамъ, въ то время, была, приблизительно, равна докторской ¹⁾ 6-го августа 1771 г. Гёте защищалъ свои тезисы и сдѣлавъ, вскорѣ потомъ, прощальный визитъ Фредерикѣ, онъ уѣхалъ изъ Стразбурга, не общая и не собираясь возвратиться, хотя и предчувствовалъ, что въ душѣ его окажется мучительная пустота, а сердце Фредерики будетъ разбито. Отчего онъ не продолжалъ своихъ отношеній къ ней? Отчего не сдѣлалъ никакихъ шаговъ къ тому, чтобы жениться на ней? Это объясняютъ различно и во всѣхъ объясненіяхъ, вѣроятно, есть доля правды, но больше всего ея, пожалуй, въ мнѣніи Льюиса ²⁾, который полагаетъ, что Гёте чувствовалъ, что недостаточно любить Фредерику, что это не была любовь, а скорѣе — *affaire d'amour* — и онъ поспѣшилъ во время удалиться, чтобы не сдѣлать несчастнымъ, ни Фредерики, ни себя. Къ этому надо еще прибавить, что Гёте былъ изъ тѣхъ людей, которые, только въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ, чувствуютъ желаніе безповоротно прикрѣпить свою привязанность и жизнь, а въ молодости, питаютъ, инстинктивную, антипатію къ женитьбѣ. Какъ бы тамъ ни было, а нельзя не сознаться, что Мезьеръ правъ, говоря, что въ этой исторіи, дочь деревенскаго пастора, оставшаяся вѣрною своему первому увлеченію и встрѣтившая чрезъ 8 лѣтъ Гёте привѣтомъ и непритязательною любовью, симпатичнѣе молодого поэта, но насъ мирить съ нимъ то волненіе, которое испытывалъ онъ въ старости, вспоминая этотъ романъ юности и та теплота, съ которою изобразилъ онъ его героиню ³⁾.

¹⁾ Университетское начальство отсвѣтовало Гёте печатать его диссертацию, какъ какъ, приведенныя въ ней мысли казались слишкомъ сильными и оригинальными. Докторской степени онъ, собственно, не приобрѣлъ но въ семьѣ и среди знакомыхъ его считали и называли докторомъ правъ.

²⁾ Англичанинъ Льюисъ — одинъ изъ лучшихъ біографовъ Гёте.

³⁾ Обѣ Маріи: въ „Гецѣ“ и въ „Клавиго“ написаны подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о Фредерикѣ. Гёте написалъ для Фредерики пѣсню *seriù*

Г Л А В А II.

Отъ 1771 до 1794 г.

По возвращеніи Гёте на родину, отецъ его былъ не доволенъ равнодушіемъ сына къ юриспруденціи, революціонными его стремленіями и рѣзкимъ тономъ, вообще тѣмъ, что тогда составляло признакъ геніальности, ¹⁾ но гордился его смѣлостью и способностями.

Въ то время Гёте сблизился съ дармштадтскимъ военнымъ совѣтникомъ Меркомъ, ²⁾ который оказалъ сильное вліяніе на его умственное и отчасти художественное развитіе. Въ 1772 г. Меркъ издавалъ «франкфурскія ученія записки» и Гёте помѣстилъ въ нихъ рядъ критическихъ статей, работа надъ которыми была въ высшей степени полезна для его слагавшихся воззрѣній. Въ то время у него уже была готова первая редакція «Гёца фонъ Берлихингенъ». Эту драму онъ задумалъ еще въ Стразбургѣ и усиленно работалъ надъ нею въ 1771 г., чтобы заглушить воспоминаніе о Фредерикѣ, а въ слѣдующемъ году, готовя Гёца къ печати, поэтъ подвергъ его незначительнымъ передѣлкамъ и нѣкоторымъ сокращеніямъ. Боясь не найти издателя, онъ принялъ предложеніе Мерка напечатать его на

стихотвореній, въ которыхъ воспѣвалась ея любовь къ ней и которые частью вошли въ собраніе его сочиненій, частью же были найдены лишь послѣ его смерти и изданы отдѣльно. Дальнѣйшая судьба этой великодушной, симпатичной дѣвушки полна молчаливаго трагизма. О Гёте она всегда отзывалась съ уваженіемъ и говорила, что онъ не могъ связать съ ней свою судьбу, такъ какъ былъ слишкомъ великъ для нея. Она не вышла ни за кого замужъ, хотя не разъ получала предложенія и умерла въ 1818 году. Нѣтъ недостатка въ разныхъ обвиненіяхъ, старавшихся набросить тѣнь на ея нравственность, но, повидимому, лишенныхъ всякаго основанія.

¹⁾ Гёте себя и товарищей своихъ называлъ геніями, но не въ пылшемъ смыслѣ этого слова; согласно корню словъ, подъ геніальностью понималось тогда—прирожденное, въ противоположность искусственному, потерявшему уваженіе со времени Руссо (род. 1712, и ум. 1778 г. во Франціи).

²⁾ Это былъ высокій худощавый мужчина, лицу котораго длинный, острый носъ и пропигательные сѣрые глаза придавали хищническое выраженіе, совершенно не соотвѣтствовавшее его доброму, благородному и до-

ихъ общій счетъ. Гёцъ появился на свѣтъ въ 1773 году и съ этихъ поръ всё, интересующееся отечественной литературой, смотрятъ на Гёте, какъ на крупную творческую силу.

Материаломъ для драмы «Гёцъ ф. Берлихингенъ» послужила автобіографія одного рыцаря XVI вѣка по имени Готфрида, по прозванію «Желѣзная рука». Поэтъ отнесся къ своему источнику очень свободно: изъ довольно обыденнаго дѣятели той интересной, но грубой эпохи, онъ сдѣлалъ нѣмецкаго борца за свободу и правду и окружилъ его идеальными нѣмецкими женщинами, но національное выражено здѣсь съ такою силою и художественною полнотою, что пьеса получаетъ міровое общественное значеніе. Гёцъ сейчасъ же вызвалъ перепечатку, а потомъ безчисленное множество подражаній. Въ немъ справедливо увидѣли манифестъ новой литературной школы, вполне отдѣлившейся отъ французскаго классицизма и безусловно національной, по своимъ идеямъ и формамъ. У менѣе даровитыхъ подражателей Гёте «мѣстныя краски», впервые выдвинутыя на видное мѣсто, слишкомъ поглощаютъ вниманіе авторовъ и зрителей, но эта крайность не такъ вредна, какъ предшествующее, съ отсутствіемъ красокъ и національности. Въ Гёте нельзя не видѣть сильное вліяніе Шекспира, но это вліяніе выражается не рабскимъ подражаніемъ, а разумнымъ усвоеніемъ основныхъ началъ истиннаго драматизма и поэзій.

Раньше чѣмъ Гёцъ появился въ печати, Гёте уже снова покинулъ свой родной городъ и, согласно желанію отца, переѣхалъ въ небольшой городъ Вецларъ, гдѣ находился высшій, апелляціонный судъ и главный государственный архивъ. Тамъ проживало много молодыхъ юристовъ, практиковавшихся въ тонкостяхъ нѣмецкаго правовѣденія. Общество было развитое и

вѣрчивому характеру. Меркъ любилъ, какъ говорится, напускать на себя рѣзкость и насмѣшливость, которыхъ въ немъ, въ сущности, было менѣе, чѣмъ онъ желалъ показать. Въ жизни этотъ умыль и глубоко образованный человекъ былъ неудачникомъ, такъ какъ имѣлъ страсть пускаться въ спекулятивныя предпріятія, съ которыми въ послѣдствіи, обыкновенно, не могъ справиться. Залутавшись, наконецъ, въ догахъ, онъ копчилъ жизнь самоубійствомъ. Отрицательныя стороны его характера, безпощадная иронія и даже, повидимому, его наружность, были, въ послѣдствіи, воплощены Гёте въ Мефистофеля, для котораго Меркъ послужилъ, такъ сказать, живую моделью.

веселое и Гёте охотно посѣщаль его, прибрѣль много друзей и поклонниковъ, много читаль и думаль и немного занимался дѣлами. Въ Вецларѣ былъ, такъ наз., «нѣмецкій домъ», т. е. одно изъ управленій, вѣдавшихъ имѣнія ордена нѣмецкихъ рыцарей. Имъ завѣдываль пѣкго Буффъ, отецъ многочисленнаго семейства, недавно потерявшій жену, по смерти коей, роль хозяйки въ его домѣ исполняла старшая дочь Шарлотта, будущая героиня «Вертера»; она не отличалась ни особеннымъ умомъ, ни образованіемъ, но была очень миловидна, добра и симпатична. Познакомившись съ Буффами, Гёте, какъ и многіе другіе, не зналь, что Шарлотта уже помолвлена съ однимъ молодымъ юристомъ Кестнеромъ, который въ «Вертерѣ» фигурируетъ подъ именемъ Альберта, но между Кестнеромъ и Альбертомъ общее— только положеніе. Кестнеръ вовсе не былъ усолобымъ филистеромъ, ¹⁾ какъ Альбертъ, а, напротивъ,—человѣкъ живой и впечатлительный, сынъ «бурнаго» періода, имѣвшій въ своихъ взглядахъ много общаго съ Гёте, который, при первомъ же знакомствѣ, произвелъ на Кестнера сильное и благопріятное впечатлѣніе и, позднѣе, они сошлись очень близко. Скоро отношенія между Гёте, Кестнеромъ и его невѣстою получили опредѣленный, но нѣсколько странный характеръ; Кестнеръ зналь, что Гёте любитъ Лотту; знала это и сама Лотта, по женихъ не только не ревноваль невѣсту къ молодому другу, а напротивъ, тѣмъ болѣе гордился ею. Не было ревности и со стороны Гёте: онъ былъ убѣжденъ, что разочаровался бы въ Лоттѣ, если бы она, ради него, измѣнила своему жениху. Тѣмъ не менѣе, частыя свиданія, задушевные разговоры о чувствахъ и невинныя нѣжности стали, подъ конецъ, раздражать Гёте; онъ побоялся, что можетъ еще сильнѣе привязаться къ невѣстѣ друга и вознамѣрился оставить Вецларъ. 16-го Сентября 1772 г. онъ, не попросившись съ Лоттой, пѣшкомъ ушелъ во Франкфуртъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его чувство къ Лоттѣ было вполне искренно, но, по степени напряженности, оно не имѣло ничего общаго съ сильной, хотя и духовной страстью, которую Лотта

¹⁾ Филистеры—люди съ высшимъ образованіемъ, а также не студенты, на языкѣ студентовъ.

романа внушила Вертеру: уходя из Вецлара, Гёте был полон жизни и весело проводил время в обществе других женщин.

Вернувшись во Франкфуртъ, Гёте, къ радости отца, на нѣкоторое время съ энергіей отдался юриспруденціи, но это увлеченіе было очень непродолжительно. Вскорѣ по прїѣздѣ домой, Гёте получилъ изъ Вецлара извѣстіе о самоубійствѣ его давнишняго знакомаго Іерузалема, молодаго чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. Іерусалемъ былъ человѣкъ очень образованный, прїятель Лессинга; любилъ литературу, но не стремился прославить себя въ ней; онъ былъ уменъ, но имѣлъ предрасположеніе къ меланхоліи, любилъ жить одинъ и сойтись съ нимъ было не легко. Говорили въ Вецларѣ, что онъ безнадежно влюбленъ въ жену своего товарища; не выдержавъ, Іерусалемъ объявился ей въ любви, а она рассказала о происшедшемъ мужу, который попросилъ Іерузалема прекратить свои посѣщенія. Тотъ затосковалъ, собрался уѣхать изъ Вецлара, уже послалъ за лошадью, но ночью застрѣлился.

Извѣстіе о смерти Іерузалема, при значительномъ сходствѣ положеній, сильно потрясло Гёте, который въ отвѣтномъ письмѣ восхищался энергіей самоубійцы и у него тогда же явилась идея изъ двухъ любовныхъ исторій—своей собственной и Іерузалемовой—создать поэтическое произведеніе въ формѣ романа; она назрѣвало болѣе года, зато на окончательную обработку «Вертера» поэту понадобилось всего 4 недѣли.

Само собою разумѣется, что Вертеръ никогда не могъ бы пріобрѣсти той славы, какую онъ пріобрѣлъ, не могъ бы стать «міровой книгой», если бы его содержаніе исчерпывалось несчастной любовью впечатлительнаго молодаго человѣка къ невѣстѣ или женѣ прїятеля, но Вертеръ имѣлъ важное историческое значеніе: герой романа даровитый, умный, добрый и впечатлительный человѣкъ,—есть идеальный представитель цѣлаго поколѣнія людей, переживавшихъ эпоху «просвѣщенія» и Руссо и еще недожившихъ до революціи. Его губитъ не несчастная любовь, а невозможность примириться съ филистерскою моральною и филистерскимъ счастьемъ. Вертеръ протестуетъ противъ общественаго устройства, тогда общеобязательнаго, основаннаго на

подчинении нисшихъ вышимъ; онъ убѣжденъ, что крестьянинъ гораздо полезнѣе дипломата и чиновника; онъ находитъ въ простомъ народѣ больше здоровыхъ, нравственныхъ понятій, чѣмъ, въ такъ наз.-обществѣ и только въ нисшихъ слояхъ видитъ непосредственное сильное чувство.

«Къ могилѣ несли его ремесленники, ни одинъ священникъ не провожалъ его.»

Вертеръ ненавидитъ всякое стѣсненіе; онъ въ дѣтствѣ страдаетъ отъ давленія школы; взрослый—чувствуетъ, какъ его душатъ общественныя приличія и служебная дисциплина. Онъ всегда сочувствуетъ тѣмъ, кого гнететъ общественное мнѣніе; дѣвушка, отдавшаяся любимому человѣку, по его убѣжденію, безусловно выше безсердечной и безукоризненной эгоистки. Онъ стоитъ за права человѣка на свободу, на равенство, на жизнь свою.

Вертеръ имѣетъ огромное историко-литературное значеніе, какъ художественно-законченное произведеніе, соединяющее высшую чувствительность, бывшую тогда всеобщей модой, съ реализмомъ—точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности (обыденной жизни).

Романъ производитъ полную иллюзію въ читателѣ, какъ содержаніемъ, такъ и формою: письма героя къ другу, его безпорядочныя предсмертныя записки, стройный и обдуманнѣйшій заключительный разговоръ, основанный на показаніяхъ близкихъ лицъ, всякаго заставятъ повѣрить, что здѣсь не вымыселъ, а сама жизнь. Различаютъ двѣ части романа: въ первой изъ нихъ Вертеръ — самъ Гёте; во второй — оная созданная фигура, въ основѣ которой лежитъ самоубійство Иерусалема. Въ первой части—природа производитъ умиротворяющее вліяніе на героя; во второй — угнетающее. Въ первой—его любимый поэтъ Гомеръ, во второй — мрачно-печальный Оссианъ; ¹⁾ въ первой и несчастливая любовь даетъ ему радость, во второй—она шагъ за шагомъ ведетъ его къ самоубійству.

Въ XVIII столѣтіи «Вертеръ» — самое популярное изъ созданий Гёте; онъ переведенъ на всѣ европейскіе языки; Бонапартъ беретъ его съ собою въ Египетъ и при свиданіи съ

¹⁾ Оссианъ — Кельтскій бардъ (швецъ) въ III вѣкѣ по Р. Хр.

Гёте въ Эрфуртѣ, прежде всего заговариваетъ съ нимъ о Вертерѣ; во время путешествія въ Италію, Гёте встрѣчаетъ массу иностранцевъ, которые знаютъ его только, какъ автора «знаменитаго Вертера»; въ самой Германіи Вертеръ вызвалъ множество подражателей и будто усилилъ наклонность молодыхъ людей обоого пола къ меланхоліи и ея печальнымъ послѣдствіямъ. Гёте, въ то время уже пережившій періодъ «вертеризма», глубоко негодовалъ на поклонниковъ Вертера и обвинялъ себя въ изданіи вредной книги. Но, если бы въ обществѣ не было такого настроенія, романъ не могъ бы имѣть никакого вліянія. Между другими стадіями «разочарованности» и пессимизм¹⁾ — «вертеризмъ» является наименѣе безотраднымъ и опаснымъ: добродушнаго и строго нравственнаго Вертера гораздо легче примирить съ жизнью, чѣмъ Шатобрианова Рене, не говоря уже про героевъ Байрона²⁾.

Въ это время Гёте вступилъ въ переписку со многими выдающимися людьми, между прочимъ съ Клопштокомъ а) и Лафатеромъ в). 11-го декабря 1774 г. во Франкфуртъ прибылъ Кнебель, — очень умный и образованный человекъ, съ двумя своими питомцами, принцами Веймарскими; старшій изъ нихъ — 18-ти лѣтній Карлъ-Августъ — былъ будущій другъ и государь Гёте. Кнебель сдѣлалъ визитъ Гёте и заявилъ, что наслѣдный принцъ жаждетъ познакомиться съ творцомъ Вертера; Гёте отдалъ визитъ и Карлъ-Августъ, очень понравившійся поэту простотою и искренностью, съ своей стороны, можно сказать, почти влюбился въ Гёте. Молодые люди бесѣдовали о политическихъ вопросахъ и принцъ выразилъ твердое намѣреніе жить только для блага своего народа. Принцъ и Гёте разстались съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться снова непременно.

Въ началѣ 1775 г. начался романъ Гёте съ Анной-Елизаветой Шенеманъ, который, впоследствии, Гёте признавалъ самымъ

1) Пессимизмъ — ученіе о томъ, что въ жизни нѣтъ ничего хорошаго и отраднаго.

2) Шатобрианъ — французскій писатель (1769 - 1848), а Байронъ — знаменитый англійскій поэтъ (1788 - 1824).

а) Фридрихъ Готтлибъ Клопштокъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся германскихъ поэтовъ XVIII ст. лѣтія, родился въ 1724 г.

в) Иоганъ Касперъ Лафатеръ род. въ 1741 г. въ Цюрихѣ, гдѣ позднѣе былъ и сторожъ, поэтъ, мистикъ, мыслитель и изобрѣтатель физ. огномикки.

ильнымъ увлеченіемъ своей молодости. Шенеманъ была дочь франкфуртскаго банкира: красивая, остроумная, живая, но вполнѣ свѣтская дѣвушка. Влюбившись въ нее и замѣчая, что онъ произвелъ на нее впечатлѣніе, Гёте, волей-неволей, оставляетъ свои студенческія привычки и появляется на всѣхъ балахъ и концертахъ въ шелковыхъ чулкахъ и въ расшитомъ золотомъ платьѣ. Свѣтски пошлое общество, гдѣ его знали не какъ поэта, а только какъ сына совѣтника Гёте, конечно, не могло доставить ему удовольствія и онъ, какъ нашъ Пушкинъ, не могъ не чувствовать разлада между внутреннимъ міромъ и окружающею его средою. Родители, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны не были довольны большимъ сближеніемъ молодыхъ людей: родные Шенеманъ находили Гёте женихомъ презавиднымъ, а старый совѣтникъ не желалъ имѣть невѣсткой молодую барыню. Тѣмъ не менѣе, при дѣятельномъ участіи одной любительницы браковъ, помолвка состоялась, но она не дала удовлетворенія ни той, ни другой сторонѣ; Гёте отъ душевныхъ волненій и страданій отдыхалъ въ небольшихъ путешествіяхъ и за рабочимъ столомъ, а его красивая невѣста успѣвала забыться въ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Часами Гёте бывалъ счастливъ, но иногда цѣлыми недѣлями избѣгалъ свиданія съ Шенеманъ; близкіе люди все сильнѣе и сильнѣе убѣждались, какъ мало сулятъ имъ счастья этотъ бракъ; наконецъ и онъ согласился съ общимъ мнѣніемъ, но, оставаясь во Франкфуртѣ, не имѣлъ силъ порвать отношенія къ Аннѣ ³⁾.

Къ счастью Гёте, во Франкфуртѣ побывалъ Карлъ-Августъ съ молодой женой, вступившій въ это время на герцогскій престолъ, который настойчиво просилъ Гёте пріѣхать къ нему въ Веймаръ; сначала, хотя въ качествѣ гостя, Гёте охотно согласился и 7-го Ноября 1775 г. снова (на этотъ разъ уже навсегда) покинулъ родной городъ.

Герцогство Веймарское было одно изъ незначительныхъ государствъ Германіи, столицею коего былъ небольшой городокъ съ 7 тысячами жителей. Въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Веймарѣ, Гёте съ увлеченіемъ отдался всѣмъ удовольствіямъ

¹⁾ Анна-Елизавета Шенеманъ, ко оруу обыкновенно звали уменьшительнымъ именемъ Диди, въ 1776 г. вышла замужъ за банкира Тюркгейма.

веселаго, безэтикетнаго двора; катался на конькахъ, устраивалъ поѣздки, спектакли, «бѣсился» вмѣстѣ съ герцогомъ въ играхъ и кутежахъ; не только «Ваше Высочество» и «Вы» были изгнаны изъ употребленія, но даже платье и бѣлье у герцога и его гостя были общія. Услышавъ о такомъ поведеніи Гёте, царь пѣмецкой поэзіи Клопштокъ, написалъ ему письмо съ строгимъ выговоромъ, но получилъ довольно рѣзкій и насмѣшливый отвѣтъ, вслѣдствіе чего ихъ дружба прекратилась. Провездѣльничавъ два мѣсяца, Гёге сталъ искать случая быть полезнымъ герцогу и первымъ его дѣломъ было перемапить на службу въ Веймаръ Гердера, ¹⁾ что онъ и исполнилъ, не смотря на противодѣйствіе веймарскаго, мало развѣигаго, духовенства, смотрѣвшаго на Гердера почти какъ на атеиста. Въ томъ же 1776 г. Гёте и самъ поступилъ на службу герцога и принималъ участіе въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта. Скоро онъ получилъ титулъ «совѣтника посольства» и ему было назначено 1200 талеровъ жалованья въ годъ. Такое, неожиданное, возвышеніе сына франкфуртскаго бюргера возмутило всѣхъ веймарскихъ чиновниковъ, но герцогъ настоялъ на своемъ.

Мѣсто Гёте, однако, вовсе не было синекурой, ²⁾ такъ какъ онъ самъ не хотѣлъ получать жалованья даромъ и находилъ, что практическая дѣятельность не только не вредитъ, но еще помогаетъ его творчеству. Онъ наблюдалъ за казенными постройками, хлопоталъ надъ разработкой заброшенныхъ рудниковъ въ Ильменау и даже исполнялъ обязанности президента военной коллегіи.

Нѣтъ сомнѣній, что его рѣшенію остаться въ Веймарѣ много способствовала его новая любовь къ веймарской придворной дамѣ фрау фонъ-Штейнъ. Когда Гёте познакомился съ ней, ей было уже 33 года и она имѣла 7 человѣкъ дѣтей; судя по портретамъ, она не была красавицей, но ея одухотворенное, съ тонкими чертами лицо, обрамленное массою прекрасныхъ

¹⁾ Гердеръ былъ въ Веймарѣ генераль-суперинтендентомъ (высшее духовное лицо въ странѣ) ум. 1803 г.

²⁾ Синекура—доходъ, несвязанный ни съ какимъ обязательнымъ занятіемъ.

докопоть, большіе — вдумчивые глаза, ея умъ, образованіе и живость дѣлали ея украшеніемъ веймарскаго двора. Гёте, до тѣхъ поръ знавшій только здоровыхъ и простепныхъ бюргерскихъ дѣвушекъ, сразу подчинился ея обаянію. Мужъ ея, штальмейстеръ двора, сухой и ограниченный человекъ, рѣдко бывалъ дома и жена пользовалась полной свободой. Побѣда надъ знаменитымъ Гёте, который къ тому, въ это время, былъ и однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, не могла не льстить ея самолюбію, а Гёте чувствовалъ, что эта женщина будетъ имѣть сильное и благоприятное вліяніе на развитіе его генія. Ихъ близкія (повидимому не безусловно) отношенія продолжались около 10 лѣтъ и сопровождалась любопытной перепиской, которая съ лучшей стороны рекомендуетъ поэта, нежели предметъ его страсти: Гёте отдался чувству со всею пыломъ своей натуры и временами сильно страдалъ; фрау фонъ - Штейнъ всегда сдерживалась и разсчитывала и дѣлалась нѣжнѣе къ нему только тогда, когда онъ, истомленный нераздѣленной страстью, изъявлялъ намѣреніе искать другого увлеченія. Зато фонъ-Штейнъ направляла и регулировала его гениальныя работы, сосредоточивала его на его планахъ и мѣшала разбрасываться въ разныя стороны. За свое кокетство она наказана тѣмъ, что лучшіе женскіе типы, имъ созданные, больше подходятъ къ дѣвушкамъ, которыхъ онъ зналъ и любилъ въ первый періодъ жизни; отъ нея онъ воспользовался только ея нравственной развитостью.

Вліяніе Гёте на герцога было положительно плодотворно: онъ давалъ ему возможность веселиться и самъ веселился съ нимъ, но своимъ примѣромъ, побуждалъ его и къ серьезному труду.

Переживъ уже періодъ «вертеризма» и негодую на современниковъ, изъ которыхъ многие продолжали еще жить грустными идеалами Вертера, онъ сочинилъ для одного изъ придворныхъ спектаклей пародію на прежняго себя подъ именемъ — «Тріумфъ чувствительности», которая нѣмцамъ показала очень остроумной и въ которой любопытна идея: «чувствительность» противуполагается любви къ истинной природѣ и дѣятельной жизни.

Въ одномъ отношеніи только Гёте не измѣнялъ идеаламъ Вертера: сталкиваясь по служебнымъ обязанностямъ съ простымъ народомъ, онъ, по прежнему, относился къ нему съ горячей симпатіей; онъ считалъ крестьянъ самымъ полезнымъ и нравственнымъ классомъ общества. Интересы массы бѣдняковъ онъ ставилъ выше всякихъ другихъ, однако, всегда съ готовностью помогалъ, чѣмъ могъ, и несчастнымъ людямъ изъ интеллигенціи и дѣлалъ это такъ деликатно, что облагодѣтельствованные имъ люди совсѣмъ не чувствовали тягости благодарности и зависимости отъ благодѣтеля.

Въ 1779 г. Гёте окончилъ прозаическую редакцію «Ифигеніи въ Тавридѣ», въ которой всего замѣтнѣе выразилась его нравственная зрѣлость и принятое имъ на 31 году жизни намѣреніе «отрѣшиться отъ половинчатости и рѣшительно обратиться къ цѣлому, доброму и прекрасному».

Ифигенію нѣмецкіе критики признаютъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Гёте, но за предѣлами Германіи она не пользуется большою извѣстностью.

Въ сентябрѣ того же года герцогъ и Гёте предприняли путешествіе въ Швейцарію инкогнито и не увѣдомивъ дворъ о своемъ отъѣздѣ. Они побывали, по дорогѣ, во Франкфуртѣ, гдѣ посѣтили родителей Гёте; затѣмъ отправились въ Стразбургъ, гдѣ Гёте, оставивъ на время герцога, съѣздили въ Зессенгеймъ посмотрѣть на Фредерику Бріонъ, воспоминаніе о которой, повидимому, нѣсколько мучило его совѣсть, но Фредерика, оставшаяся въ дѣвушкахъ, встрѣтила его такъ ласково и задушевно, что, отнынѣ, этотъ эпизодъ жизни представлялся поэту только съ поэтически — отрадной стороны. На возвратномъ пути изъ Швейцаріи герцогъ и Гёте заѣхали въ Штутгартъ и попали на торжественный актъ высшей военной школы герцога Вюртембергскаго, на которомъ, между прочими другими, 20-ти лѣтній студентъ (медикъ) Фридрихъ Шиллеръ получилъ 3 награды. Гёте, конечно, не обратилъ особеннаго вниманія на неловкаго юношу, но Шиллеръ, уже рѣшившій отдать всю жизнь поэзій и въ значительной мѣрѣ воспитанный на произведеніяхъ Гёте, не могъ не испытывать особаго чувства въ присутствіи царя нѣмецкой поэзій.

Въ 1782 г. умеръ старый совѣтникъ Гёте, и, чрезъ это, матеріальное благосостояніе поэта значительно увеличилось, что дало ему возможность улучшить свою лабораторію и расширить свои тайныя благодѣянія.

Въ это время измѣнились отношенія Гёте къ герцогу, котораго еще не пережилъ своего бурнаго періода. Гёте убѣдился, что ошибся, сойдясь съ герцогомъ на «ты», и сталъ этикетнѣе, — не потому, что онъ полюбилъ этикетъ, по потому, что, при болѣе далекихъ отношеніяхъ, его упреки должны были сильнѣе дѣйствовать на герцога. Всего труднѣе было Гёте виллѣе порядокъ въ денежные дѣла Карла-Августа, который, въ минуты увлеченія, не щадилъ государственной казны на свои личныя прихоти. Но охлажденія между ними небыло и размолвка была непродолжительная.

Въ 1784 г. Гёте удалось сдѣлать важное открытіе въ остеологии — найти у человѣка междучелюстную кость, а въ 1786 г. онъ совершилъ путешествіе въ Италію (подъ именемъ купца Миллера), отнявшее у него 1½ года времени, при чемъ онъ около 13 мѣсяцевъ прожилъ въ Римѣ, гдѣ написалъ стихотворную форму Ифигеніи, обработалъ «Тассо», «Эгмонта» и написалъ сцену «въ кухнѣ вѣдьмъ» изъ Фауста. Онъ усердно также работалъ въ это время и надъ живописью, но безъ замѣтныхъ результатовъ. Въ эти 1½ года Гёте много измѣнился и созналъ, что не долженъ отдавать свое время и силы на дѣла, которыя не хуже его могутъ исполнять другіе и, возвратясь въ Веймаръ (въ Іюнь 1788 г.), онъ заявилъ герцогу, что отказывается отъ всѣхъ государственныхъ обязанностей, кромѣ завѣдыванія дѣлами просвѣщенія и художества; герцогъ подчинился его рѣшенію безъ особаго неудовольствія.

Уже въ Италію Гёте уѣхалъ значительно охлажденнымъ къ фрау ф. Штейнъ; по возвращеніи же онъ нашелъ ее еще болѣе постарѣвшею (ей уже было 45 лѣтъ), но нисколько не утратившею претензіи на исключительное господство надъ его сердцемъ; между ними были непріятности и сцены, которыя, конечно, не вернули ей любви Гёте, а только ослабили чувство дружбы, которое онъ питалъ къ ней.

Въ іюль того же года, однажды, Гёте, гуляя въ паркъ, встрѣ-

тилъ дочь горькаго пьяницы Вульпиуса Христину, которая пришла изъ Иены просить Гёте дать мѣсто ея брату, который напрасно старался доставить пропитаніе своей семьѣ литературной работой ¹⁾. Христина понравилась Гёте; онъ скоро сошелся съ нею и переселилъ ее въ Веймаръ, а когда у нихъ родился ребенокъ, ²⁾ онъ принялъ ее въ свою квартиру и, въ глазахъ герцогини Амаліи (мать Карла-Августа) и др. либераловъ, Христина съ этихъ поръ становится законною женою Гёте, хотя бракъ былъ заключенъ много позднѣе.

Христина получила плохое образованіе и не отличалась особенно сильнымъ природнымъ умомъ, но нельзя согласиться съ врагами ея и, главнымъ образомъ, съ фрау ф. Штейнъ, которые называютъ ее положительно глупой и увѣряютъ, что Гёте своею связью съ ней показалъ, какъ мало осталось у него идеализма. Гёте любилъ ее истинно, писалъ ей стихи и говорилъ съ нею о своихъ работахъ; она платила ему самую искреннюю и горячую привязанностью. Есть основаніе полагать, что противъ формальнаго брака былъ не Гёте, а сама Христина, слишкомъ чувствовавшая разницу, которая была въ ихъ общественномъ положеніи. Гёте былъ виноватъ въ томъ, что, не желая скандализировать веймарское общество, согласился съ нею и, по всей вѣроятности, за это онъ былъ, впоследствии, наказанъ тѣмъ, что Христина къ 40 годамъ огрубѣла, опошлѣла и даже стала пить ³⁾.

¹⁾ Братъ Христины—Христианъ-Августъ Вульпиусъ (род. 1762 г., ум. въ 1827) былъ потомъ секретаремъ веймарскаго театра; онъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ авторъ многихъ разбойничьихъ романовъ, изъ коихъ одинъ—„Ринальдо-Ринальдини“ (явившійся въ 1799 г.) былъ переведенъ на многіе языки, между прочимъ и на русскій.

²⁾ Въ концѣ декабря 1789 г., у Христины родился сынъ, котораго назвали Августомъ, и герцогъ, не раздѣлявшій предразсудковъ Веймарскаго общества, былъ его крестнымъ отцомъ.

³⁾ Унаслѣдовала ли она эту дурную привычку отъ своего отца или же просто привыкла пить вино, вслѣдствіе того, что высшее общество было для нея закрыто и молодая женщина, естественно нища развлеченій, принуждена была посѣщать общество сомнительнаго достоинства, такъ или иначе результатъ былъ одинаково грустный. Легко себѣ представить, какаѣ пища дана была заслуживаю са поведеніемъ, при общемъ нерасположеніи Веймарцевъ къ Христинѣ, и какъ все это должно было мучить Гёте, который не

По возвращеніи изъ Италіи, кромѣ стихотворной формы Ифигенія, Гёте опубликовалъ двѣ новыя драмы — Эгмонтъ и Тассо. Обѣ онѣ представляютъ высоко-художественныя; вѣчно безсмертныя произведенія, но въ тоже время обѣ онѣ доказываютъ, что у Гёте мало было, специально драматическаго, таланта; въ „Разбойникахъ“ Шиллера несравненно больше вѣщающаго драматическаго интереса и движенія, чѣмъ въ этихъ, безусловно зрѣлыхъ созданіяхъ. И Эгмонтъ и Тассо, не смотря на все свое индивидуальное различіе, выражаютъ разныя стороны богатой природы самого поэта въ его юности.

Въ 1791 г. Гёте, вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ-Августомъ, ходилъ въ походъ противъ Франціи, хотя онъ всегда относился къ войнѣ съ антипатіей, и грустныя сцены, которыя пришлось ему видѣть во время этого похода, превратили это чувство въ положительное отвращеніе¹⁾. Въ 1794 г. онъ снова былъ въ походѣ, на этотъ разъ болѣе удачномъ, но его взглядъ на войну не перемѣнился.

могъ разстаться съ Христиной, потому что продолжалъ любить ее и потому, что считалъ себя связаннымъ съ нею чувствомъ чести и долга. Гёте тѣмъ сильнѣе привязывался къ Христинѣ чѣмъ болѣе злословили на ея счетъ. При началѣ ихъ отношеній, по всей вѣроятности, его плѣнила ея простота, наивность и естественность, т. е. именно тѣ стороны, которыя составляли выгодный контрастъ съ искусственными, дѣланными чарами свѣтскихъ дамъ, столь оскорбленныхъ его пренебреженіемъ къ нимъ и сближеніемъ съ простою дѣвушкой. Связь свою съ Христиною Гёте въ самомъ началѣ старался скрывать, а потомъ не торопился закрѣпить ее бракомъ, между прочимъ и потому, что вопросъ о бракѣ не уменьшилъ бы, а, напротивъ,—еще усилилъ скандальное впечатлѣніе связи, такъ какъ возбудилъ бы вопросъ о принатіи Христины въ общество Веймарскихъ дамъ.

¹⁾ Во время сраженія при Вальмѣ, Гёте нѣкоторое время держался въ районѣ дѣйствія непріятельской артиллеріи, чтобы испытать на себѣ, что чувствуетъ человекъ при свистѣ, летающихъ вокругъ, адеръ. Къ счастью, его любопытство обошлось ему благополучно.

ГЛАВА III.

Дружба Гёте съ Шиллеромъ и послѣдніе годы его жизни.

Въ 1794 г. Гёте и Шиллеръ, бывший въ это время профессоромъ Іенскаго университета, вышли, однажды, вмѣстѣ изъ іенскаго общества естествоиспытателей; въ которомъ оба они были почетными членами; увлекшись разговоромъ, Гёте проводилъ Шиллера къ дому и вошелъ въ его квартиру; съ этого дня началась ихъ дружба, имѣвшая важное значеніе въ жизни обоихъ поэтовъ и въ уметвенной жизни всей Германіи. Съ этого дня все работы Гёте и Шиллера, можно назвать совмѣстными, въ томъ смыслѣ, что ни одно произведеніе, котораго либо изъ нихъ, не появлялось въ свѣтъ безъ того, чтобы другой поэтъ не подвергъ его серьезной, всесторонней критикѣ ¹⁾ Около этого времени вышелъ «Вильгельмъ Мейстеръ» Гёте (1-ая часть), безспорно лучший изъ его романовъ ²⁾. Въ 1796 г. Гёте принялся за эпическій жанръ и написалъ поэму «Германъ и Доротея», которая подняла его популярность на такую высоту, на какой она не бывала со времени Вертера. «Германъ и Доротея»—самое обдуманное, самое классическое ³⁾ по формѣ произведеніе Гёте, почему Шиллеръ считалъ эту поэму «вѣн-

1) О своей дружбѣ съ Шиллеромъ Гёте откровенно говоритъ, что она была для него новою весною, въ которой все радостно зрѣло одно подлѣ другаго и выросло изъ скрытыхъ сѣмянъ и вѣтвей“. Третьимъ членомъ этого благороднаго союза можно назвать великаго лингвиста и эстетика Вильгельма Гумбольдта (1767—1835) государственнаго человѣка - патриота, брата славнаго натуралиста Александра Гумбольдта. Онъ жилъ тогда въ Іенѣ и его тонкая критика имѣла самое благотворное вліяніе на Гёте, а еще болѣе на Шиллера.

2) Въ композиціи В. М. (1-ая ч.) много недостатковъ и онъ мало удовлетворяетъ требованіямъ законченной повѣсти, но душевная теплота и мягкость, соединенныя съ мудростью зрѣлаго ума, дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ созданій человѣчества, а разнообразіе прелестнѣйшихъ женскихъ характеровъ заставляютъ самаго строгаго моралиста примириться съ юношескими увлеченіями Гёте; не любя онъ послѣдовательно столько женщинъ, онъ не былъ бы въ состояніи создать такіе женскіе типы.

3) Классическое—въ смыслѣ—образцовое.

Цомъ всего новаго искусства», по она не богата внутреннимъ содержаниемъ и въ ней поэтическое мировоззрѣніе Гёте ограничивается его національностью и, отчасти, его временемъ.

«Вертеръ» и «Германъ»—двѣ крайнія противоположности, какъ по формѣ, такъ и по содержанию, равно какъ и Гёте бурнаго періода, бѣгавшій съ кнутомъ по площади, влюблявшійся въ чужихъ невѣсть, то безумно-веселый, то мизантропически ¹⁾ мрачный, кидавшійся отъ Спинозы ²⁾ къ алхиміи и отъ Вольтера ³⁾ къ мистикамъ, повидимому,—полная противоположность тайному совѣтнику Гёте, знатоку естественныхъ наукъ, другу порядка, врагу революціи, всегда важному, спокойному и ровному. Но Гёте, все же Гёте; такъ и Германъ имѣетъ общее съ Вертеромъ то, что оба они чистокровные нѣмцы и прелесть произведеній, въ которыхъ они дѣйствуютъ, вполне понятна только нѣмцу: по своему впѣ—національному, мировому-значенію, эти поэмы меньше цѣнны, нежели другія произведенія Гёте и Шиллера, менѣе задушевные; но за то ихъ національно-воспитательное значеніе огромно: Германомъ и Доротеєю Гёте возстановилъ и укрѣпилъ то душевное равновѣсіе нѣмецкой націи, которое потрясъ и расшаталъ Вертеромъ.

1797 г. называется годомъ балладъ, потому, что оба поэта единодушно взялись въ немъ за этотъ, въ то время новый, видъ поэзіи, и тѣмъ самымъ, освятили его для будущихъ поколѣній, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, придали ему большую ширину и глубину содержания. Въ балладахъ Гёте также свободно относится, къ только что выдвинувшейся тогда идеѣ народности, какъ и въ своей поэмѣ «Рейнеке-Фуксъ», надъ которой онъ работалъ еще до сближенія съ Шиллеромъ; известно, что, безъ его передѣлки, эта средневѣковая сатира еще долго оставалась бы достояніемъ однихъ ученыхъ.

¹⁾ Ми антроль челоѣкъ, презирающій людей.

²⁾ Спиноза Варухъ, замѣчательный голландскій философъ 1632—1679 г., за свои философскія возрѣнія былъ исключенъ изъ еврейской общины, заним. полировкой оптич. стеколъ; ум. въ Гагъ.

³⁾ Вольтеръ — знаменитый французскій писатель (1694—1778 г.), писавшій, между прочимъ, очень ѣдкия, но, не рѣдко, грязныя и тривіальныя, сатиры.

Въ 1797 г. Гёте, въ третій разъ, предпринялъ путешествіе въ Швейцарію, откуда онъ хотѣлъ поѣхать въ Италію, но Шиллеръ убѣдилъ его, что прежде, чѣмъ собирать новые сюжеты, надо покончить со старыми. Въ Швейцаріи Гёте собралъ матеріалъ для поэгическаго произведенія о Вильгельмѣ Теллѣ, но потомъ передалъ его Шиллеру,

9-го мая 1805 г. умеръ Шиллеръ. Вся Германія почувствовала этотъ ударъ, но всего сильнѣе онъ отразился на великомъ соперникѣ поэта—Гёте. Гёте въ это время самъ былъ сильно боленъ и у него было предчувствіе, что 1805 г. будетъ роковымъ для нихъ обоихъ, вельдствіе чего ему боялись сказать о горѣ, постигшемъ Веймаръ ¹⁾, но онъ замѣтилъ, что всѣ, вокругъ него, были чѣмъ то смущены и догадался: «должно быть Шиллеръ очень боленъ!»—сказалъ онъ. На другой день онъ спросилъ одного изъ друзей: «вѣдъ это неправда, что Шиллеръ вчера былъ боленъ?» ²⁾. Въ отвѣтъ тотъ зарыдалъ. Гёте тихо сказалъ: «Онъ умеръ!» и закрылъ лице руками. Гёте былъ очень сдержанный человѣкъ и не любилъ выказывать своего горя, даже предъ самимъ собой; онъ пересталъ вести дневникъ, такъ какъ, по его сознанию, его въ это время ничто не интересовало.

Въ послѣдніе годы жизни Шиллера, Гёте занимался естественными науками, директорствомъ театра и приспособленіемъ для веймарской сцены чужихъ пьесъ, будто предоставивъ творчество сьому, болѣе молодому и пылкому, другу. Теперь, послѣ смерти Шиллера, на немъ лежитъ высокая миссія служить чистому искусству и онъ, едва оправившись отъ болѣзни и жестокаго удара, даетъ окончательную отдѣлку самому задушевному своему творенію, надъ которымъ онъ работалъ около 30 лѣтъ и котораго одного было бы достаточно, чтобы сдѣлать Гёте тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, есть и будетъ въ исторіи человѣчества; разумѣемъ—первую часть Фауста.

Фабула великой драматической поэмы Гёте основана на старомъ и далеко распространенномъ мотивѣ о договорѣ человѣка

¹⁾ Шиллеръ въ послѣдніе годы жилъ также въ Веймарѣ.

²⁾ По біографіи Н. А. Холодковского (изд. Ф. П'авленкова) это былъ разговоръ съ Христиною.

съ дьяволомъ, который обязуется служить ему въ этой жизни съ тѣмъ чтобы получить его душу въ свое владѣніе.

Уже въ IV вѣкѣ по Р. Х., мы находимъ такое сказаніе, приуроченное къ житію Василія Кесарійскаго; въ немъ сатана покупаетъ душу за успѣхъ въ любви, но въ концѣ концовъ, долженъ возратить договоръ, вѣдѣствіе раскаянія грѣшника и молитвы святого. Также счастливо оканчивается дѣло Теофила (болѣе распространенное на западѣ), который уступаетъ свою душу, мучимый честолюбіемъ. Въ глубинѣ среднихъ вѣковъ такихъ легендъ много и въ счастливомъ окончаніи ихъ главную роль играетъ Богородица, заступница кающихся грѣшниковъ и представительница божественнаго милосердія. Въ это время душу продають: изъ за любви, богатства, славы, мщенія, а не изъ за знанія; но вѣхъ знаменитыхъ ученыхъ, даже изъ духовенства, народная молва обвиняла въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Идея о пожертвованіи своею душою за науку, съ особенной чистотой и энергіей, выдвинулась въ эпоху возрожденія ¹⁾, когда ожили мечты алхимиковъ и къ ихъ старымъ задачамъ присоединилась самая смѣлая—создать искусственнымъ образомъ челоуѣка. Книжное просвѣщеніе не только не убило и не ослабило суевѣрія, но даже, напротивъ,—вѣра въ колдовство въ XVI вѣкѣ была сильнѣе, чѣмъ въ XII и въ XIII и дьяволъ, можетъ быть, никогда не былъ такъ популяренъ, какъ во время Лютера ²⁾, который бросалъ въ него чернильницей и спокійно засыпалъ, если узнавалъ, что шумъ производятъ только черти. Около этого времени составилось и сказаніе о Фаустѣ, въ основѣ котораго лежитъ, несомнѣнно, какое нибудь дѣйствительное липо, но какое именно, мы повѣрно не знаемъ. Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ шестнадцатаго вѣка по Германіи ходило много рассказовъ о некромантѣ ³⁾ Фаустѣ, у котораго была какая-то удивительная собака, превращавшаяся въ слугу и который былъ задушенъ чертомъ въ одной деревнѣ близъ

¹⁾ XV и начало XVI столѣт'я по Р. Хр., когда наука и искусства въ Италіи пользовались особеннымъ покровительствомъ фамиліи Медичи (Козьма, Лаврентій Великолѣпны⁴, папа Левъ X-й).

²⁾ Март. Лютеръ жилъ 1483—1546 г.

³⁾ Некромантъ—вызыватель духовъ.

Виттенберга; къ концу столѣтія количество такихъ разсказовъ возрастало все больше и больше и къ имени Фауста приурочивали многія, старинныя сказанія о великихъ магахъ. Эти разсказы въ 1587 г. были собраны, неизвѣстнымъ, авторомъ въ одну книгу, въ которой за предисловіемъ слѣдуетъ сказаніе о біографіи Фауста. Будущій докторъ, былъ, будто бы,—сынъ крестьянина и родился близь Веймара. Богатые родственники въ Виттенбергѣ приняли мальчика въ свою семью и здѣсь, благодаря своимъ способностямъ, онъ скоро приобрѣлъ степень доктора богословія, но приобретенныя знанія не доставляли ему удовольвенія; тогда онъ забросилъ св. писаніе подъ лавку и сталъ называть себя докторомъ медицины. «Онъ привязалъ себѣ орлиныя крылья и хотѣлъ извѣдать и небо и землю до основанія». Не удовлетворяясь книжной наукой, онъ рѣшился продать душу аду.

Еще будучи студентомъ въ Стразбургѣ Гёте, какъ и многіе другіе его современники, заинтересовался сюжетомъ Фауста, но серьезно работать надъ нимъ онъ принялся только въ 1774—75 гг. и не отпускалъ его изъ виду во всю свою жизнь. Одинъ изъ наиболѣе долгихъ перерывовъ наступилъ послѣ 1790 г., когда вышелъ «Фаустъ-отрывокъ», опубликованіемъ коего Гёте былъ не прочь покончить съ своей долгой работой, но Шиллеръ, сблизившись съ нимъ, сталъ настаивать на необходимости закончить великое дѣло и въ 1797 г. Гёте энергично принялся за работу: онъ написалъ посвященіе, оба пролога и составилъ планъ обѣихъ частей. Въ 1806 г. первая часть Фауста 1) уже была готова къ печати.

«Фаустъ» Гёте принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ произведеній, которыя считаются классическими по преимуществу. Какъ поэмы Гомера, такъ «божественная комедія» — Данта и «Фаустъ» — представляетъ собою итоги того, что пережило человечество до ихъ появленія. Но въ степени сложности и ясно-

1) Это произведеніе не сдѣлало на современную публику того впечатлѣнія, какого можно было ожидать, но мало-по-малу оно оцѣнено по до стоинству и признано за высшее произведеніе Гёте, какому нѣтъ равнаго ни въ одной литературѣ. „Фаустъ“, по справедливости, заслуживилъ за Гёте славу царя поэтовъ,

сти между Гомеромъ и Фаустомъ огромная разница: въ эпоху троянской войны въ жизни и мировозрѣніи Грековъ все просто и понятно; на границѣ прошлаго и нынѣшняго вѣка въ западной Европѣ все запутанно и спорно; поэма Данте ¹⁾ занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто.

Одинъ разъ со вниманіемъ прочитанный, Фаустъ дѣлается спутникомъ и другомъ человѣка на всю жизнь; всякій возрастъ, всякое душевное настроеніе находитъ въ немъ себѣ соотвѣтственную духовную пищу. Герой драмы — самъ Гёте со всѣмъ величіемъ своихъ стремленій, со всѣми хорошими своими сторонами и со всѣми общечеловѣческими слабостямъ; но, въ тоже время, — Фаустъ — каждый изъ насъ въ тѣ минуты, когда мы перестаемъ быть рабами мелочей жизни и изъ титулярныхъ и пр. совѣтниковъ, комерсантевъ и т. п. становимся людьми, потому что и Гёте одинъ изъ насъ — только лучшій. Гёте не создалъ Фауста, а гениально выразилъ въ немъ свою общечеловѣческую сторону.

Все сказанное относится именно къ первой части, такъ какъ во второй, при всѣхъ ея превосходныхъ частностяхъ, мы видимъ продуктъ старческаго рефлекса и духа аллегоризма, навѣяннаго болѣзненностью эпохи реакціи; ²⁾ лучше всего въ ней общій планъ и, въ особенности, конецъ, но планъ, какъ уже сказано, составленъ раньше выхода въ свѣтъ первой части, а прологъ на себѣ дѣлаетъ невозможнымъ другой исходъ: ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что Мефистофель окажется побѣжденнымъ, что божественное начало въ человѣкѣ не покорится житейской грязи и пизменному отрицанію.

Въ Октябрѣ 1806 г. ³⁾ произошла битва подъ Іеной, бомбардированіе Веймара и занятіе его французскими войсками. Домъ

¹⁾ Данте (или собственно Дуранте Алигieri) — гений, соединяющій въ себѣ крайности и контрасты, жилъ въ Италіи (1265 — 1321 г.).

²⁾ Реакція, въ политикѣ означаетъ, — возвращеніе къ старому, отжившему порядку.

³⁾ Послѣ битвы подъ Іеной, вечеромъ прибылъ въ домъ Гёте молодой гусарскій офицеръ французскаго войска и объявилъ, что въ этомъ домѣ помѣстится маршалъ. Офицеръ этотъ былъ фовъ-Тюркегемъ, сынъ Лили. Утромъ пріѣхалъ къ Гёте французскій генералъ и у дома былъ поставленъ караулъ.

Гёте и его рукописи были спасены, но французы въ нѣсколько дней выпили у него 12 бочекъ вина и причинили ему убытку на 2000 талеровъ. Гёте, всегда равнодушный къ политикѣ, теперь, волею-неволею, долженъ былъ заниматься ею и энергично заступаться за своего герцога. Пять дней спустя послѣ Іенской битвы Гёте обвинялся съ Христиною Вульпусъ (19-го октября 1806 г.) въ присутствіи своего сына и секретаря Римера, ¹⁾ чтобы обезпечить ее и сына на случай несчастья. Христина, со времени совершенія надъ нею обряда вѣнчанія, стала держать себя вполне безукоризненно и съ большимъ тактомъ, чѣмъ заслужила сердечное расположеніе большей части людей, ее знавшихъ. «Больше всего нравится мнѣ въ ней то, что въ натурѣ ея ничего не мѣняется, что она остается все одинаковою» — говорилъ Гёте послѣ двадцатилѣтней жизни съ нею.

Въ 1808 г. во время Эрфуртскаго съѣзда Гётэ представлялся Наполеону, который продержалъ его у себя около часа и встрѣтилъ и проводилъ словами: «voilà un homme!» Затѣмъ они нѣсколько разъ видѣлись въ Веймарѣ. Наполеонъ расхваливалъ Вертера, котораго онъ прочелъ 7 разъ, совѣтовалъ Гёте написать трагедію «смерть Юлія Цезаря,» усиленно звалъ его въ Парижъ и наградилъ орденомъ «Почетнаго легіона», что, въ то время считалось чрезвычайною честью.

Въ 1809 г. Гёте окончилъ новый романъ: «Отилія» или «Сродство натуръ». Когда Гёте еще учился въ Стразбургѣ, онъ совершилъ экскурсію въ монастырь Гогенбургъ на Отиліевой горѣ и въ его память врѣзалась легенда о слѣпороджденной св. Отиліи, которая безъ вины съ своей стороны, навлекла несчастіе на дородныхъ ей людей. Теперь онъ вспомнилъ эту легенду, чтобы воспользоваться именемъ Отиліи и мотивомъ, для изображенія, только что пережитой имъ, душевной драмы: 57-ми лѣтній поэтъ влюбился въ молодецкую дѣвушку Минну Герцлибъ, пріемную дочку его стараго пріятели іенскаго книгопродавца Фромана, которая съ своей стороны полюбила знаменитаго старика. Гёте страдалъ какъ юноша и друзья спасли его, отправивъ Минну въ пансіонъ; полное успокоеніе нашелъ Гёте толь-

¹⁾ Молодой филологъ Римеръ былъ домашнимъ учителемъ сына Гёте, а впоследствии домашнимъ секретаремъ поэта.

ко въ творествѣ. «Сродство натуръ» — одна изъ первыхъ попытокъ изображенія нѣмецкой буржуазной дѣйствительности.

Въ 1810 г. Гёте кончилъ свой ученый трактатъ — «Ученіе о цвѣтахъ», который стоилъ ему большаго труда, чѣмъ остальные, а положительной наукѣ принесъ меньше всѣхъ другихъ. Гёте не имѣлъ физико-математическаго образованія, необходимаго для работъ въ оптикѣ; за то, въ его трактатѣ много превосходныхъ частныхъ, открывающихъ интереснѣйшія перспективы.

Въ 1811 г. онъ началъ печатать свою автобіографію, подъ заглавіемъ «поэзія и проза моей жизни» ¹⁾, которая должна была служить и дѣйствительно служить лучшимъ комментариемъ къ его произведеніямъ, которыя, по словамъ Гёте, — только отрывки изъ его великой исповѣди. Первая книга этой автобіографіи очень важна для пониманія другихъ литературныхъ явленій XVIII вѣка.

Возстановленіе мира въ Европѣ, послѣ паденія Наполеона, застало Гёте еще въ цвѣтѣ его умственныхъ силъ и въ полномъ сознаніи честно исполненнаго долга; его незыблемо установившаяся слава доставляла ему не мало удовольствія; но жить становилось ему все скучнѣе и тяжелѣе, такъ какъ близкіе ему люди одинъ за другимъ покидали міръ.

Въ 1807 г. умерла герцогиня Амалия.

Въ 1808 г. умерла его мать ²⁾, въ 1813 г. онъ потерялъ послѣдняго изъ своихъ литературныхъ соратниковъ Виланда; ³⁾ въ 1816 г. умерла его жена (отъ апоплексіи).

Съ 1816 ⁴⁾ года Гёте началъ издавать журналъ подъ назва-

1) X-й томъ сочиненій Гёте, изданныхъ въ 1880 г., на русск. языкѣ подъ редакціей Н. В. Гербеля.

2) Не смотря на приглашенія сына, она не захотѣла покинуть Франкфурта и умерла въ немъ же.

3) Христіанъ Виландъ (1733 — 1813 г.) — одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, романы коего изъ жизни древнихъ имѣли важное значеніе, хотя не вѣрно представляли эту жизнь, что было остроумно осмѣяно, еще молодѣе, Гёте въ произ. его — „Боги, герои и Виландъ“, что, впрочемъ, Виландъ принять за шутку. Съ 1772 г. В. былъ воспитателемъ принца Веймарскаго.

4) 1816 г. ознаменовался для Веймара возведеніемъ герцога въ великогерцогское достоинство и установленіемъ конституціоннаго образа правленія. Гёте въ качествѣ министра получилъ значительное увеличеніе содержания (до 3000 талеровъ).

ніемъ «Искусство и Древности», въ которомъ былъ самымъ энергичнымъ сотрудникомъ. Онъ велъ его 12 лѣтъ и черезъ его посредство управлялъ художественными мнѣніями лучшихъ людей всей Европы.

Въ 1817 г. Гёте оставилъ управленіе вейманскимъ театромъ, но это не увеличило его досуга: въ 70 лѣтъ онъ работалъ также энергично, какъ и въ 20 и занятія его были также разнообразны, какъ и во время студенчества въ Стразбургѣ.

Въ 1819 году Гёте исполнилось 70 лѣтъ. День его рожденія былъ торжественно отпразднованъ во Франкфуртѣ, откуда поэту посланъ былъ золотой лавровый вѣнокъ. Со всѣхъ сторонъ Германіи получалъ онъ поздравленія и подарки, изъ коихъ больше всего приятенъ былъ ему подарокъ великаго герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, который приобрѣлъ часы, стоявшіе нѣкогда въ домѣ отца Гёте во время дѣтства поэта, и велѣлъ ихъ тайкомъ поставить въ домѣ престарѣлаго автора «Фауста». Услышавъ бой этихъ часовъ и увидѣвъ драгоценный подарокъ, Гёте не могъ удержаться отъ слезъ.

1821 г. вышла первая часть романа «Годы странствованія Вильгельма Мейстера», какъ вторая половина знаменитаго произведенія, лучшихъ годовъ жизни Гёте. Она далеко не имѣетъ достоинства первой, носящей назв. «Ученическіе годы В. М.».

Въ 1823 г. на 74-мъ году жизни Гёте въ послѣдній разъ испыталъ любовь въ Марьембадѣ къ молоденькой дѣвушкѣ фонъ Левенцовъ, которая, съ своей стороны, влюбилась въ него и готова была выдти за него замужъ, но Гёте не рѣшила повергнуть ее и себя всеобщему посмѣянію. Онъ воспѣлъ ея радости и горе въ, такъ называемой — «Трилогіи страстей» и особенно въ средней ея части — «Элегіи». Въ 1825 г. въ Веймарѣ отпраздновали 50-лѣтній юбилей царствованія Карла - Августа, а вскорѣ послѣ того, съ меньшей торжественностью и задумчивостью, 50-тилѣтіе пребыванія въ этомъ городѣ — Гёте; послѣднее празднество отпраздновалось и въ другихъ городахъ Германіи.

Въ 1828 г. скончался Карлъ-Августъ, а вскорѣ за нимъ (въ 1830 г.) и герцогиня Луиза и старый поэтъ остался совсѣмъ одинъ среди молодого поколѣнія. Но онъ все еще не слагалъ

оружія. Въ 1830 г. была окончена 2-ая часть Фауста, а обзоръ спора между Кювье и Жофруа С.-Иллеромъ о единствѣ животныхъ организмовъ былъ его послѣдней ученой работой. Въ октябрѣ 1830 г. стараго поэта постигло великое горе: его единственный сынъ, отправившійся въ Италію для поправленія здоровья, умеръ въ Римѣ. Гёте едва перенесъ этотъ ударъ, однако оправился и снова принялся за свои работы.

Въ Августѣ 1831 г. предъ наступленіемъ дня своего рожденія Гёте отправился въ Ильменау, чтобы избавиться, томительныхъ для него, торжествъ въ Веймарѣ; взобрался на вершину горы Гикельгана и вошелъ въ хижину, гдѣ онъ бывалъ когда то съ Карломъ-Августомъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и молодости, переживая самые сильные моменты своей любви къ Фрау ф.-Штейнъ (она умерла въ 1827 г.); въ этой хижинѣ въ 1783 г. онъ написалъ извѣстную пѣсню, такъ художественно переведенную Лермонтовымъ:

Горныя вершины
Спать во тьмѣ ночной, и т. д.

Теперь, почти чрезъ полстолѣтія, Гёте, пережившій почти всѣхъ близкихъ людей, увидѣлъ эту пѣсню, написанную на стѣнѣ! Слезы брызнули изъ старческихъ глазъ поэта и онъ повторилъ двѣ послѣднія строки:

Подожди немного
Отдохнешь и ты.

До слѣдующаго дня своего рожденія онъ не дожилъ: 16-го Марта 1832 года Гёте заболѣлъ простудой, а 22-го скончался. Mehr nicht! (больше свѣту!) были его послѣднія слова. Великогерцогская усыпальница приютила прахъ его рядомъ съ саркофагами Карла Августа, великой герцогини Луизы и безсмертнаго друга его Шиллера.

Гёте—величайшій изъ поэтовъ, бывшихъ въ Германіи, какъ до него такъ и послѣ него и у насъ въ Россіи имя Гёте принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ и наиболѣе извѣстныхъ именъ иностранныхъ поэтовъ. Первыми, по времени появленія, въ Россіи переводами сочиненій Гёте, считаютъ трагедію „Кла-

виго“ и романъ «Вертеръ», изданные въ С.-Петербургѣ въ 1780 и 1794 гг. безъ указанія имѣть переводчиковъ. Несмотря на многіе недостатки, переводы эти сдѣлали свое дѣло: они возбудили интересъ къ сочиненіямъ Гёте и проложили дорогу болѣе талантливымъ переводчикамъ, которые съ Жуковскимъ во главѣ начали быстро появляться и появляются до сихъ поръ. Въ 1878—80 гг. въ С.-Петербургѣ издано подъ редакціей Н. В. Гербеля собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей, состоящее изъ 10 томовъ, ¹⁾ изъ коего и мы теперь многое заимствовали для нашего краткаго труда. Сама же биографія поэта составлена, преимущественно, по описанію профес. А. Н. Кирпичникова, помѣщенному въ исторіи всеобщей литературы, составленной русскими учеными, изданіе коей пачато подъ общей редакціей В. Ѳ. Корша, а потомъ продолжалось подъ редакціей проф. Кирпичникова.

Какъ поэтъ, Гёте произвелъ во всѣхъ родахъ поэзіи ²⁾, отъ пѣсни до эпопеи, образцовыя произведенія, хотя выше всего онъ въ лирикѣ, но если онъ былъ великъ, какъ поэтъ и произведенія его будутъ имѣть еще долго благотворное вліяніе на

¹⁾ Цѣна 14 руб.

²⁾ Различаютъ 3 рода поэзіи: эпическую, лирическую и драматическую. Въ произведеніяхъ перваго рода (поэмы, романы, баллады, повѣсти и т. п.) передается видѣнное или слышанное, въ лирическихъ произведеніяхъ, — поэтъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія и чувства, а въ драматическихъ — видѣнное или слышанное не рассказывается (какъ въ эпосѣ), а представляется въ дѣйствіи, совершающемся между разными лицами. Всѣ драматич. произведенія могутъ быть, вообще, раздѣлены на: трагедіи — съ торжественнымъ, серьезнымъ содержаніемъ, комедіи — съ веселымъ, шутивнымъ, обыкновеннымъ содержаніемъ и просто—*драмы*, содержащія въ себѣ, какъ, въ большинствѣ случаевъ, и сама жизнь, оба эти элемента или начала вмѣстѣ. Названія произошли отъ греческихъ словъ:—эпосъ — рассказъ, драма — дѣйствіе, трагосъ — козель, коме — деревня (или открытое мѣсто) или отъ—*кѳомосъ* — радостное, торжественное шествіе съ пѣніемъ и пиршествомъ; такъ какъ, въ древней Греціи, поклоненіе богу виноградниковъ и пастуховъ Діонису сопровождалось въ деревняхъ обходомъ полей съ пѣніемъ и пляской, а въ храмахъ — у алтарей — закланіемъ козла и, такимъ образомъ, трагедія — собственно значить — пѣснь при закланіи козла, отъ этихъ же, религиозныхъ, обрядовъ произошли, впоследствии, драматическія представленія, въ которыхъ эпическій рассказъ сочетается съ лирическимъ чувствомъ, переходящимъ въ борьбу страстей, характеровъ положеній и идей.

человѣчество въ дѣлѣ поэзіи, то не менѣе важна его заслуга и какъ естествоиспытателя, съ тою только разницею, что первые же опыты его въ поэзіи были встрѣчены восторженно, тогда какъ на поприщѣ естествознанія онъ долго долженъ былъ бороться съ неизвѣстностью и, только въ послѣдніе годы жизни заслуги его въ этой отрасли человѣческаго знанія были оцѣнены всеми. Онъ имѣлъ также не малое влияние на образовательныя искусства, къ которымъ привязался съ самаго дѣтства.

Сочиненія Гёте были изданы въ Германіи много разъ. Лучшее ихъ собраніе,—изданное при жизни автора и подъ его наблюдениемъ въ 1827—1831 годахъ въ сорока томахъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни Гёте почти постоянно работалъ съ секретаремъ, коихъ перемѣнилось нѣсколько. Последнимъ и, можетъ быть, лучшимъ его помощникомъ былъ Іог. Петръ Эккерманъ, самъ немного поэтъ и большой поклонникъ или вѣрнѣе—обожатель Гёте, который очень цѣнилъ его усердіе и преданность и охотно велъ съ нимъ долгія бесѣды, которыя Эккерманъ въ тотъ же вечеръ добросовѣстно записывалъ. Эти разговоры, часто возбуждавшіеся его же вопросами, были изданы Эккерманомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Гёте и тоже могутъ считаться произведеніемъ послѣдняго, хотя и не имъ самимъ написаннымъ. Они имѣютъ огромный интересъ и, читая ихъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ краткой характеристикѣ Гёте, сдѣланной Наполеономъ:— «вотъ челоѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова» — заключается великая правда.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Нѣкоторыя произведенія Гёте въ переводѣ русскихъ писателей.

(Общій обзоръ, извлеченія и отрывки).

I) Фаустъ.

Драматическая поэма въ двухъ частяхъ, изъ коихъ каждая часть состоитъ изъ 5 актовъ.

Это, безспорно, самое важное произведеніе Гёте, надъ которымъ онъ работалъ большую часть своей жизни. Первая часть, хотя и съ перерывами, обрабатывалась около 30 лѣтъ и была окончена только въ 1806 г., и вторая окончена въ 1831 г., всего на нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэта.

Во время своей долгой жизни, Гёте самъ узналъ всю тщету философіи, а собственный опытъ рано раскрылъ ему всю грязь порочности и разврата, скрывающихся подъ внѣшнимъ лоскомъ приличія и цивилизаціи и все это выражено въ Фаустѣ, который есть, какъ выражается Н. В. Гербель — «Крикъ отчаянія о ничтожествѣ жизни». Въ Фаустѣ, какъ въ зеркалѣ, видимъ вѣчную задачу нашей умственной жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разнообразныя вопросы нашей общественной жизни. Это вмѣстѣ и задача и картина, въ чемъ и заключается главное обаяніе пьесы, которая обнимаетъ главные задачи нашей жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ намъ мнѣнія и чувства разныхъ разрядовъ людей, движущихся предъ нами на спецѣ

жизни. Остроуміе, пафосъ, мудрость, фарсъ, мистерія, вѣра, сомнѣніе, волшебство, иронія—все здѣсь есть.

Предположенный, небольшой объемъ нашего труда не даетъ намъ возможности входить въ подробное разсмотрѣніе содержанія Фауста, между тѣмъ, Ад. Штернь говоритъ: «Никому еще не удавалось въ немногихъ словахъ дать понятіе о всей силѣ, полнотѣ содержанія и художественномъ совершенствѣ Фауста, кромѣ того, первая часть его много разъ переводилась на русскій языкъ, какъ цѣлая, такъ и отрывками и болѣе знакома нашей, читающей публикѣ. Въ собраніи сочиненій Гёте, изданномъ подъ редакціей Н. В. Гербеля, эта часть занимаетъ 165 страницъ (по 38 строкъ на полной страницѣ), вторая же часть занимаетъ тамъ около 243 стараницъ ¹⁾. Эта послѣдняя часть гораздо менѣе у насъ извѣстна, а потому здѣсь и остановимся на ней и попробуемъ, на основаніи указаній компетентныхъ лицъ, изложить общій планъ ея, сдѣлавъ, кое гдѣ, выдержки изъ текста, переведеннаго, для уномянутаго собранія сочиненій Гёте, г. Холодковскимъ.

Первая часть Фауста оканчивается смертью Маргариты.

Вначалѣ второй части видимъ Фауста спящаго; Аріель (владыка эльфовъ) съ эльфами ²⁾ обвѣвають его голову, убаюкиваютъ мелодіями и ароматами, успокоивая, такимъ образомъ, терзанія сердца великаго грѣшника, удаляя отъ него горькія стрѣлы упрека. Ужасныя воспоминанія и отчаянье его исчезаютъ незамѣтно и онъ, наконецъ, просыпается обновленный духомъ и укрѣпленный для новой дѣятельности. Эмблематической сонъ, раздѣляющій 1-ую ч. отъ 2-ой, представляетъ всеисцѣляющее и оживляющее дѣйствіе природы.

Мефистофель обѣцалъ Фаусту показать, и малый, и большой свѣтъ, изъ коихъ первый—онъ видѣлъ въ первой части поэмы, а теперь вступаетъ въ большой свѣтъ, являясь въ слѣдующихъ сценахъ при дворѣ императора.

¹⁾ Обѣ части, вмѣстѣ съ предисловіемъ, примѣчаніями и статьею Е. Каро составляютъ II-й томъ изданія.

²⁾ Эльфы—миеологическіе духи, созданные поэтическимъ воображеніемъ народовъ Германскаго и Кельтскаго племени. Имъ приписывали человѣческой образъ, малый ростъ и нѣжное сложеніе. Жили они, по народному повѣрью, по холмамъ и были искусственными музыкантами.

2-ая сцена 1-го акта представляет Императорскій дворецъ. Императоръ является въ государственный совѣтъ, окруженный придворными, въ числѣ коихъ находятся также: астрологъ и Мефистофель, замѣняющій, разбившагося при паденіи, придворнаго шута. Между прочимъ, Канцлеръ говоритъ Императору:

Какъ ликъ святыхъ сіянемъ окружень,
Такъ добродѣтель высшая вѣнчаетъ
Чело царя. Опъ ею обладаетъ
Одинъ лишь. Всѣмъ онъ щедро одарѣнъ;
Всё, что народу нужно, любо, мило,
Намъ божество въ лицѣ его явило.
Увы! къ чему разсудка полнота,
Десницы щедрость, сердца доброта,
Когда кругомъ всё стонеть и страдаетъ,
Когда бѣда другую порождаетъ?
Изъ этой залы, гдѣ стоитъ твой тронъ,
Вглянись на царство: будто тяжкій сонъ,
Увидишь. Зло за зломъ распространилось
И беззаконіе тяжкое въ законъ
Въ имперію повсюду обратилось.

(Измалываются всѣ недуги и безпорядки).

Императоръ *(выслушавъ всѣхъ, обращается къ Мефистофелю).*

Ты, шутъ, не мало знаешь тоже бѣдъ?

Мефистофель.

Я? Никогда! Я вижу блескъ чудесный:
Тебя и пышный дворъ. Сомнѣнья неумѣстны;
Какъ можетъ зло и мракъ явиться тамъ,
Гдѣ блещутъ эти чудныя свѣтила?
Вездѣ своя нужда: таковъ ужъ бѣлый свѣтъ!
Здѣсь то, другое тамъ. У насъ вотъ денегъ нѣтъ,
Здѣсь на полу валяются ихъ не будетъ;
Но мудрость ихъ изъ подъ земли добудетъ.
Войдите въ тьму пещеръ глубокихъ, — тамъ
Въ кускахъ, въ монетахъ золото сверкаетъ;

А кто его изъ бездны вынимаетъ?—
Духъ выспрепнѣй, природой данный намъ.
Достану больше я, чѣмъ кажется всѣмъ вамъ.
Всѣ это хоть легко, но трудно вмѣстѣ съ тѣмъ
Гладь не далеко, но чтобы докопаться,
Искусство надо и умѣнье взяться.
Въ тотъ давнѣй вѣкъ, какъ масса дикарей
Губила жадно царства и людей,
Напора ордъ ихъ человѣкъ пугался
И укрывать сокровища старался.
Такъ было въ мощный Рима вѣкъ, давно;
Но и теперь не мало тамъ зарыто
И все, что тамъ лежитъ въ землѣ сокрыто
Правительству принадлежать должно.

К а з н а ч е й.

Да, хоть дуракъ, а разсудилъ онъ здраво!
Конечно, это государя право!

К а н ц л е р ѣ.

Вамъ ставить дьяволъ золотой капканъ:
Въ преступный васъ желаетъ ввести обманъ.

К а с т е л я н ѣ.

Чтобъ провіантъ былъ у меня въ запасѣ,
Я на обманъ даю свое согласье.

В о е н а ч а л ь н и к ѣ.

Дуракъ уменъ: всѣхъ благъ наобѣщаль!
Солдатъ не спросить, гдѣ онъ деньги взялъ.

М е ф и с т о ф е л ь.

Иль вамъ я лгу? Чтожъ сомнѣваться много!
Вотъ вамъ мудрецъ; спросите астролога.
Какъ дважды два, онъ знаетъ день и часъ.
Скажи, что видно въ небесахъ для насъ?

Говоръ толпы.

Плуты! Союзъ ужъ заключень:
Шуть и авгуръ взошли на тронъ.
Всё пѣсня та же—сюжетъ избить
Глупецъ велить—мудрецъ гласить.

Астрологъ (*къ императору*).

Все явится, чтобъ пожелать ты могъ:
Дворцы, сады, балы, румянцы щекъ.
Ученый мужъ доставитъ это вамъ,
Свершивши то, что невозможно намъ.

Императоръ (*Мефистофелю*).

Скорѣ же: тебя неотпущу я!
Правдивость словъ своихъ намъ докажи
И намъ мѣста соковищъ укажи;
Тогда свой мечъ и скипетръ отложу я
И къ дѣлу самъ немедля приступлю.
Когда не лжешь ты—дѣло совершу я,
А если лжешь—тебя я въ адъ сошлю.

Мефистофель (*въ сторону*).

Туда то я дорогу твердо знаю.

(*Громко*).

Такъ самъ возьми лопату, буръ и ломъ
И возвеличенъ будешь ты трудомъ.

Императоръ.

Смѣлѣй за трудъ! скорѣй за исполненье!

Астрологъ.

Умѣрь, монархъ, могучее стремленье:
Сперва окончить праздникъ свой рѣшись!
За много дѣлъ ты сразу не берись:
Вѣдь заслужить сперва должны мы сами
Дары земли достойными дѣлами.
Добра кто хочетъ, долженъ добрымъ быть;

Кто жаждетъ благъ, тотъ долженъ духъ смирить;
Кто алчетъ винъ, тотъ у тисковъ трудися,
Кто ждетъ чудесъ, тотъ вѣрой укрѣпися.

И м п е р а т о р ь .

Повеселѣй теперь мы время проведемъ
И, вслѣдъ за тѣмъ, поста спокойно подождемъ.
И такъ повеселѣй, во что бы то ни стало,
Отпразнуемъ теперь мы время карнавала.
(Трубы, всѣ, кромѣ Мефистофеля, уходятъ).

М е ф и с т о ф е л ь (одинъ).

Глупцы! судьба своихъ даровъ,
Заслугъ не видя не истратить.
Имѣй вы камень ¹⁾ мудрецовъ—
Для камня мудреца не хватить.

Сцена при дворѣ—одно изъ удачнѣйшихъ и доступнѣйшихъ пониманію, безъ особыхъ объясненій, мѣсть пьесы. Вообще, во всѣхъ сценахъ 2-й части Фауста, гдѣ являются: императоръ, придворные и народъ, аллегорически изображается исторія французской революціи, пустота и безуміе королей XVІІІ го вѣка.

Французскій ученый Е. Каро говоритъ: «Не хотѣлъ ли Гёте изобразить картину королевской власти XVІІІ вѣка во Франціи? Не самъ ли Людовикъ XV послужилъ ему типомъ государя, одареннаго всевозможными талантами, чтобы погубить всё государство, незаботящагося вовсе о благѣ своихъ подданныхъ, помышляющаго только о самомъ себѣ, придумывающаго каждый день какую нибудь новую потѣху? Это государство безъ законовъ безъ правосудія, гдѣ преступленія совершаются безпрепятственно, гдѣ самъ судья-участникъ въ преступленіи и оправдываетъ преступника; это войско безъ жалованія, безъ дисциплины, которое буйствуетъ и грабитъ, чтобы добыть се-

¹⁾ Алхимики старались отыскать, такъ называемый, „философскій камень“, т. е. способъ превращать все въ золото и драгоценные камни и молодить старое тѣло.

бѣ жалованіе, не представляютъ чего либо, дѣйствительно бывшаго; во всемъ этомъ является преувеличеніе чертъ и красокъ, но нельзя не признать за поэтомъ права усиливать краски и придавать темный колоритъ картинамъ. Казна пуста и безъ всякой надежды на пополненіе; въ самомъ дворцѣ императора все идетъ хуже и хуже: на кухнѣ во всемъ недостатокъ, въ погребѣ ничего нѣтъ Дворцовый маршалъ, со всякимъ днемъ встрѣчающій новыя затрудненія, предается въ руки жидовъ, закладываетъ имъ все, такъ что хлѣбъ, который вкушаетъ императоръ, уже обгусанъ лихоимствомъ ростовщиковъ. Канцлеръ хочетъ открыть глаза его величеству на все эти безпорядки и дать ему благіе совѣты, но властелинъ не расположенъ слушать такія непріятныя вещи; онъ предпочитаетъ проводить время въ веселіи, съ легкомысленною радостью соглашается на предложеніе Мефистофеля и пользуется случаемъ, чтобы скорѣе уйти изъ, скучнаго для него, совѣта.

Здѣсь истинный элементъ Мефистофеля, который является подлѣ императора въ качествѣ шута и совѣтника. Вдали видна толпа, слышенъ ея ропотъ: слышны глухія восклицанія злобы недовольныхъ, завистниковъ и, что гораздо страшнѣе, — голодныхъ. Ничего еще не прорывается слишкомъ рѣзко наружу, но уже все — угроза и мрачное предчувствіе; а между тѣмъ, великолѣпный властелинъ забавляется посреди своихъ — идиотовъ — придворныхъ. На глазахъ, страдающаго, народа приготавливаются празднества; все это предвѣстники революціи».

Слѣдующая сцена представляетъ магическій маскарадъ, который, для развлеченія императора, устраивается во дворцѣ Мефистофелемъ и Фаустомъ. Между толпами проходящихъ предъ нами масокъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свой аллегорическій смыслъ, часто слишкомъ утонченный и темный, дѣтъ, особенно, достойны остановить наше вниманіе. Въ одной императоръ представляетъ божество — Пана, ¹⁾ а въ другой Фаустъ — Плутона ²⁾. Императоръ, изображающій Пана, идетъ посреди нимфъ,

¹⁾ Панъ или Фавнъ-сынъ Меркурія — богъ луговъ, дѣсовъ и покровитель стадъ.

²⁾ Плутосъ сынъ Язона и Деметри изъ ос. Крита считался богомъ богатствъ; сначала онъ былъ видящимъ, но Зевесъ ослѣпилъ его, что бы онъ раздавалъ богатство безъ разбора, а не только добрымъ, какъ онъ дѣлалъ до того.

которыя возвеличиваютъ его славу и могущество. Посреди этихъ поклоненій и обаяній, онъ почитаетъ себя богомъ; это вѣдь такъ легко и пріятно. Придворные, которые знаютъ, что этотъ богъ ничто болѣе какъ человѣкъ, распускаютъ въ толпѣ ложь, которую существуютъ и которая, если ей перестанутъ вѣрить, уничтожить ихъ. Внезапно, со всѣхъ сторонъ, начинается пожаръ; императоръ ничего не можетъ сдѣлать и всѣмъ становится ясно, что онъ ничего больше какъ человѣкъ. Когда же власть оказывается безсильною и перестаетъ быть полезною, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, она перестаетъ быть и законною въ глазахъ народа, котораго фанатизмъ исчезаетъ вмѣстѣ съ ложнымъ обаяніемъ и Е. Каро въ пожарѣ этомъ видитъ эмблему революціи. Къ счастью, является Фаустъ ввидѣ Плутоса; онъ призываетъ тучи и тушитъ пожаръ. Смущенный на мгновеніе, императоръ опять становится веселымъ; онъ не понялъ аллегорическаго смысла, всего происходившаго, и видитъ только интересное волшебное представленіе.

Слѣдующая сцена, представляющая императорскій садъ, въ которомъ являются: императоръ, окруженный придворными, Фаустъ и Мефистофель, начинается словами Фауста къ императору:

Простишь ли мнѣ, что былъ ты весь въ огнѣ?

И мператоръ.

Такихъ забавъ давай побольше мнѣ!

Въ огнѣ, тобой искусственно возбужденномъ,

Я показался самъ себѣ Плутономъ.

Потомъ, между прочимъ, Мефистофель говоритъ императору:

Вѣсть о тебѣ дойдетъ

Къ Ѡетидѣ, ¹⁾ въ глубь.

3) Ѡетида — старшая изъ дочерей Нерея, бога моря; руки ея искали Зевесъ и Посидонъ, но, узнавъ предсказаніе, что сынъ ея будетъ могущественнѣе отца, отказались отъ брака; впоследствии Ѡетида сочеталась бракомъ съ Пелеемъ, отъ котораго у нея родился сынъ, знаменитый Ахиллесъ, герой „Илиады“.

И въ этой сценѣ открывается секретъ того способа, которымъ Мефистофель обѣщалъ обогатить страну и который заключается въ системѣ Джонна-Лоу, т. е. во введеніи ассигнацій, залогомъ для которыхъ должны служить, имѣющія быть найденными въ землѣ, сокровища.

Въ новой сценѣ, представляющей мрачную галерею, являются Фаустъ и Мефистофель, который говорить первому:

Опять мы здѣсь, подъ кровомъ ночи темной?
Иль мало случавъ у насъ
Въ толпѣ пестрѣющей придворной
Для смѣха, шутокъ и проказъ?

Фаустъ.

Знай: государь желаетъ, чтобы на сцену
Мы вызвали Париса и Елену.

Мефистофель не можетъ вызвать Елены и Фаустъ, чтобы получить на это власть, долженъ, по его указанію, отправиться къ матерямъ ¹⁾, живущимъ въ подземномъ мірѣ, для чего, Мефистофель снабжаетъ его магическимъ ключемъ на вопросъ же Фауста: Ну что-жъ теперь? онъ отвѣчаетъ:

Въ дорогу! Топни разъ —
Исчезнешь; топни вновь — и будешь ты у насъ.
(Фаустъ топаетъ и проваливается).

Мефистофель (одинъ).

Съ ключемъ бы только все пошло на ладъ!
А любопытно знать: вернется ль онъ назадъ?

¹⁾ Матери — какія то таинственныя богини. Гёте сказалъ разъ Эккерману: „Я прочелъ въ Плутархѣ, что въ греческой древности говорилось о матеряхъ, какъ о богиняхъ, остальное я выдумалъ самъ“. Много было высказано мнѣній о томъ, что разумѣлъ Гёте подъ именемъ матерей. Каро говорить, что матери суть вѣчныя, неумиращія хранительницы типовъ или просто типы, въ царство которыхъ долженъ былъ проникнуть Фаустъ, чтобы овладѣть бессмертнымъ типомъ или идеаломъ красоты — Еленою. Преобразовательная сила, преобразование вѣчно занимаетъ ихъ мысли. Онѣ не видятъ обыкновенныхъ пришельцевъ, а могутъ видѣть только ске-

Слѣдующая затѣмъ сцена представляетъ ярко освѣщенный залъ, въ которомъ показываются императоръ, вассалы придворные и Мефистофель:

Камергеръ (Мефистофелю).

Чтожь духи гдѣ? Сдержите общанье
Ужь государь давно отъ ожиданья
Весь мѣветъ.

Кастелянъ.

Да, я посланъ отъ него
Скорѣе же: не томите вы его!

Мефистофель.

Товарищъ мѣй затѣмъ и удалился
И въ кабинетѣ тихомъ затворился:
Онъ знаетъ самъ когда спектакль начать.
Тутъ нужно много, много потрудиться!
Кто хочетъ чудо красоты призвать,
Тотъ къ магіи обязанъ обратиться.

Кастелянъ.

Хоть съ магіей, хоть нѣтъ—намъ это всё равно,
Лишь представленье здѣсь намъ было бы дано.

Блондинка (Мефистофелю).

На пару словъ monsieur! Лице въ минуту эту
Вѣдь чисто у меня? Повѣрите ли, къ лѣту

мы, идеи или типы, т. е. образы самые совершенные, идеальные; существа, бывшіе когда-то въ полномъ блѣскѣ и славлѣ обитаютъ съ ними, какъ типы, которые должны жить вѣчно; доступъ къ нимъ возможенъ только избраннымъ: великимъ-поэтамъ; художникамъ и т. п. или обладающимъ магическимъ ключемъ, отрывающимъ очарованныя мѣста. Бѣлинскій признаетъ матерей за поэтическія символы безтѣлесныхъ вѣчныхъ мировыхъ идей, которыя, какъ говоритъ „Фаустъ“ управляютъ теченіемъ жизни, дѣля ея на „мракъ ночей и день, для взора милый“ т. е. на прошедшее и настоящее. Матери вполнѣ общи и безтѣлесны, а идеаль, хотя и есть отвлеченное понятіе, но представляетъ собою частное воплощеніе какой нибудь идеи въ ея высшемъ смыслѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Гёте намекаетъ здѣсь также и на свое собственное возрожденіе подъ влияніемъ созданій классической красоты, видѣнныхъ имъ въ Италіи.

Сто тысячъ пятнышекъ коричневыхъ толпой
Мгновенно кожу всю испачкаетъ собой.
Лекарство?

Мефистофель.

Ай, ай, ай! Красавица такая—
И вся, какъ леопардъ, испятнана въ дни мая!
Вамъ жабухъ языковъ съ икрою надо взять,
Ихъ въ полнолуиe сварить и перегнать,
И сокомъ тѣмъ въ ущербъ прилежно вытираться:
Тогда веснушки къ вамъ съ весной не возвратятся.

Брюнетка.

О чёмъ-нибудь спѣшить вамъ каждый попросить.
Мнѣ съ отмороженной, распухшею ногою
Не только танцевать, но трудно и ходить:
Что шагъ, то спотыкнуся. Что дѣлать мнѣ съ бѣдою?

Мефистофель.

Позвольте вамъ слегка на ножку наступить.

Брюнетка.

Дается близкимъ лишь такое позволенье.

Мефистофель.

Въ пожатьи томъ, дитя, есть важное значенье!
Всегда *similia similibus*: ногой
Врачуется нога — и все такъ въ нашемъ тѣлѣ.
Не будьте же, мой другъ, трусихой въ самомъ дѣлѣ.

Брюнетка.

Ай, больно, больно, ай! Тяжелый вы какой:
Какъ лошадь давите.

Мефистофель.

Такъ что же? Болью той
Вамъ исцѣляю я. Танцуйте и ходите
И ногу подъ столомъ возлюбленному жмите.

П а ж ъ.

Влюбленъ я, а меня считаютъ за дитя.

Мефистофель (*въ сторону*).

Опять! Всѣ пристають: что стану дѣлать я?

(*Громко пажу*).

Влюбляйтесь въ пожилыхъ; на что вамъ молодыя?

Васъ лучше оцѣнить сумѣютъ пожилыя.

Далѣ видимъ, слабо освѣщенную, залу (Рыцарская зала)! Являются тѣ же лица; причемъ Мефистофель выглядываетъ изъ будки суфлера и говорить:

Вотъ здѣсь засѣсть мнѣ, безъсомнѣнья,

Подсказывать—для черта наслажденье!

Фаустъ встаетъ изъ подъ земли на ананценѣ въ жреческой одеждѣ:

За нимъ треножникъ пламенный дымится.

И олимпамъ торжественно курится.

Является Парисъ, а затѣмъ и Елена, видъ которой производитъ на самаго Фауста магическое дѣйствіе. Онъ хочетъ овладѣть ею; хватаетъ ее, но происходитъ взрывъ и Фаустъ падаетъ, а Елена и Парисъ исчезаютъ въ воздухѣ, чѣмъ и оканчивается первый актъ.

Эпизодъ (вызова Елены) взятъ изъ народной книги о Фаустѣ, но обставленъ аллегоріями, мало кому понятными.

Упавшаго въ обморокъ, Фауста Мефистофель относитъ въ его старый ученый кабинетъ, гдѣ, между тѣмъ, работаетъ его прежній фамулюсъ Вагнеръ, который сдѣлалъ важное открытіе; ему удалось искусственнымъ образомъ произвести челоуѣка (Homunculus), который оказывается, особаго рода, скороспѣлымъ умникомъ: онъ называетъ Мефистофеля своимъ двоюроднымъ братцемъ, но видитъ дальше его; онъ угадываетъ мысли Фауста, который все еще думаетъ о Еленѣ и рекомендуетъ перенести его на почву древности. Въ Фарсалѣ готовится классическая

вальпургіева ночь ¹⁾)—сборнице древнихъ греческихъ привидѣній и только тамъ можно нецѣлить Фауста. Такъ и дѣлають.

Мефистофель и Гомункулось отправляются вмѣстѣ съ Фаустомъ по воздуху и спускаются на форсальскихъ поляхъ близъ Пеней ²⁾). Какъ только Фаустъ коснулся земли, онъ спрашиваетъ— «гдѣ она?» Онъ ходитъ между миѳическими существами и спрашиваетъ: «не видѣлъ ли, кто изъ нихъ, Елены?» Центавръ Хиронъ ³⁾ беретъ его на свою спину и переноситъ къ пророчицѣ Манто ⁴⁾, дочери Эскулапа ⁵⁾, какъ помѣшаннаго, котораго она, быть можетъ, вылѣчить; но она восклицаетъ: «Я люблю того, кто желаетъ невозможнаго!» и обѣщаетъ провести его темными ходами къ Персефонѣ ⁶⁾, у которой вымолить онъ Елену. Сцена, въ которой онъ дѣлаетъ это не была написана, но въ третьемъ актѣ, послѣ того, какъ съ шумомъ пронеслись чудеса классической вальпургіевой ночи, послѣ того, какъ Гомункулось ⁷⁾ разбился у ногъ красоты, у раковиннаго

1) 1-го мая день св. Вальпургіи; вальпургіевой же ночью въ Германіи считается ночь съ 30-го апрѣля на 1-ое мая и въ эту ночь, по народному повѣрью собираются вѣдьмы на горѣ Брокенъ въ горахъ „Гарцъ“. У простонародья существуютъ обычаи въ эту ночь бѣгать съ зажженными пучками соломы, привязанными къ длиннымъ палкамъ и стрѣлять въ сосѣднія горы, чтобы разогнать, собирающихся, будто, бѣсовъ.

2) Пеней главная рѣка Фессаліи.

3) Центавры или Кентавры, вѣроятно, дикій народъ, жившій когда то въ Фессаліи, укротители дикихъ лошадей; въ миѳологіи они представляются демонами лѣсовъ и горъ, ввидѣ получеловѣка и полу-лошади. Ц Хиронъ—сынъ Сатурна и Филиры и наставникъ Ахиллеса; онъ читалъ въ звѣздахъ и лечилъ отъ всѣхъ болѣзней звуками своей лиры; былъ убитъ стрѣлою, смоченною въ крови лернейской гидры, но Зевесъ въ награду за мудрую и благотѣльную жизнь помѣстилъ его въ Зодіакъ, ввидѣ стрѣльца.

4) Манто—знаменитая пророчательница дочь Тирезія, жрица Аполлона Дельфскаго. Происходила она изъ г. Фивъ. Дочерью Эскулапа названа по профессіи.

5) Эскулапъ—сынъ Аполлона и Корониды, чтимый какъ богъ врачей, атрибутомъ его былъ жезлъ обвитый змѣями.

6) Персефона или Прозерпина дочь Зевеса или Юпитера и Цереры, жена Плутона и владычица подземнаго царства, въ которое увлекъ ее Плутопъ.

7) Гомункулось, не смотря на свое странное происхожденіе, говоритъ проф. Кирпичниковъ,—одна изъ самыхъ удачныхъ фигуръ 3-й части Фауста; его преждевременная зрѣлость, крайній материализмъ, насмѣшли-

трона Гольтеи ¹⁾, а Мефистофель облекася въ античный костюмъ и принялъ видъ Форкиады ²⁾, желаніе Фауста оказывается исполненнымъ. Елена уже на землѣ—въ Спартѣ; изъ памяти ея изгладилось все, что было послѣ паденія Трои и возвращенія. Она только-что пріѣхала къ этимъ берегамъ, высланная впередъ Менелаемъ, чтобы устроить жертвоприношеніе; на порогъ дворца ее встрѣчаетъ Мифестофель, въ видѣ Форкиады, и объявляетъ, что жертва—она сама, что ей предстоитъ пасть подъ топоромъ; но онъ же предлагаетъ ей и средство спасенія, во время отсутствія Менелая. Въ горахъ за Спартой поселился воинственный, сѣверный народъ, властитель коюго можетъ защитить Елену.

Она соглашается и Мефистофель переноситъ ее, вмѣстѣ съ ея женщинами, въ волшебномъ туманѣ, въ замокъ, гдѣ ее встрѣчаетъ Фаустъ, какъ владѣлецъ, окруженный призрачной свитой, онъ быстро пріобрѣтаетъ ея любовь и увозитъ ее съ собою въ

вость, наконецъ, самая его гибель отъ силы чувства, котораго повидимому, нельзя бы было и ожидать стъ его сухой, разсудочной натуры, вполне достойны гениа, создавшаго 1-ую часть Фауста. Въ примѣчаніяхъ же къ собранію сочиненій Гёте, изданному подъ редакціей Н. В. Гербеля говорится: „Гомункулось представляетъ собою чуть ли не самый темный образъ во всей 2-й части „Фауста“; по словамъ Каро—это аллегорія недоконченнаго, стремящагося къ полнѣйшему развитію, состоянія челоѣчества; стремленіе это соотвѣтствуетъ стремленію Фауста къ полнѣйшему познанію жизни и, вотъ почему, Гомункулось такъ близокъ къ Фаусту, вотъ почему, между прочимъ, видитъ онъ и грезы Фауста объ идеальной красотѣ; самъ же Гомункулось получаетъ свою законченность только разбившись у трона богини красоты“.

¹⁾ Галатеей называлась статуя изъ слоновой кости, въ которую такъ влюбился Пигмаліонъ (баснословный царь Кипра), что, по его прозбѣ, Венера оживила эту статую, а также дочь Нерея и Дариды, въ которую былъ влюбленъ циклопъ Полифемъ, но она предпочла красиваго сицилійскаго пастуха.

²⁾ Форкиады или Горгоны-дочери морскаго бога, Фаркаса, сына Понта и Земли были мрачныя чудовища, которыя гдѣ то, по словамъ Е. Каро, говорятъ о себѣ: „мы рождены въ ночномъ мракѣ, сами себя незнаемъ и все се не извѣстны другимъ; искусство насъ никогда не производитъ“ и за помѣщеніе ихъ во 2-й части „Фауста“, между прочимъ, Каро упрекаетъ Гёте, причеиъ онъ говоритъ: „очень важное неудобство при чтеніи этой поэмѣ то, что приходится постоянно имѣть предъ собою развернутый словарь древностей и миеологій, чтобы не становиться на каждой страницѣ; поэтический интересъ утопаетъ въ разливѣ странныхъ именъ, взятыхъ изъ

Аркадію 1). Плодъ ихъ союза — мальчикъ Эвфоріонъ (прекрасный какъ ангелъ) быстро растетъ отъ прикосновенія къ землѣ; но черезъ-чуръ рѣзвится въ игрѣ, стремится вдаль, взлѣзаетъ на скалы, хочетъ взобраться все выше и выше, хочетъ, наконецъ, летѣть, свертается въ воздухъ и падаетъ мертвый къ ногамъ родителей. Его духъ зоветъ мать изъ глубины и увлекаетъ ее съ собою. Фаустъ остается одинъ и принимаетъ только одежды Елены 2), которыя обращаются въ облако и уносятъ его прочь.

Въ четвертомъ актѣ, Фаустъ выходитъ изъ облака на вершинѣ высокой горы. Является Мефистофель и спрашиваетъ: не видѣлъ ли онъ, во время своего далекаго путешествія, чего либо такого, чѣмъ бы хотѣлъ владѣть. Фаустъ хочетъ отнять землю у моря, сдѣлать бесплодное плодороднымъ, побѣдить, неукротимую, стихію.

Елена, исторгнутая (въ 3-мъ актѣ) изъ ада, является не только женщиною, но, въ то же время, и типомъ, чистѣйшимъ первообразимъ красоты и искусства или, лучше сказать, вдохновительницею всякаго искусства, самимъ вдохновеніемъ. Исторія ея становится эмблемою великой идеи, изображающей судьбы поэзіи; напоминаетъ блистательное начало ея въ Греціи, символическій сонъ въ теченіи варварскаго вѣка, лучезарное

всѣхъ разрядовъ боговъ, полубоговъ, героевъ, чудовищъ и т. п., ясно, что эта пьеса, ни болѣе, ни менѣе, какъ философія въ аллегорическомъ видѣ; философскій замыселъ вступаетъ въ союзъ съ ученостію, чтобы сдѣлать изъ 2-й части Фауста произведеніе, почти не доступное для публики“.

1) Аркадія — древняя область въ центрѣ Пелопонеса (южная Греція), занимающая 95¹/₂ кв. миль, съ прохладнымъ климатомъ, пастбищами и дубовыми лѣсами. Названіе свое Аркадія получила отъ древняго царя Аркаса, который, будто, былъ сыномъ Юпитера и Калісты; въ послѣдствіи онъ былъ превращенъ Юпитеромъ въ медвѣдя и вмѣстѣ съ матерью перенесенъ на небо, гдѣ они составляютъ созвѣздія большой и малой медвѣдицы.

2) Елена была дочерью спартанскаго царя Тиндора и Леды (дочери Фестія п. Этолїи); еще въ ранней молодости она была похищена Тезеемъ, отъ котораго имѣла дочь; потомъ ее освободили Диоскуры: Касторъ и Поллуксъ, за нее сваталось много князей, но отецъ отдалъ ее за Менелая; въ отсутствіи Менелая, Елена была похищена Парисомъ, что послужило поводомъ къ Троянской войнѣ во время коей Парисъ былъ убитъ, а Елена вышла за его брата Дейфоба. Послѣ паденія Трои Елена прибыла

пробужденіе во время реставраціи и пророчить ей великое будущее. Союзъ Фауста съ Еленою представляетъ сочетаніе новой поэзіи и античнаго искусства. Плодъ этого союза прелестный. Эвфоріонъ олицетворяетъ поэзію, происшедшую отъ сочетанія романтизма въ лицѣ Фауста, съ классицизмомъ въ лицѣ Елены; онъ усиливается отъ прикосновенія къ землѣ, что указываетъ на реальность новой поэзіи, живущей не только въ облакахъ. Въ четвертомъ дѣйствіи Фаустъ, возвысившій и очистившій свою душу созерцаніемъ идеала красоты, обращается къ дѣятельности, которая могла бы служить на пользу человечеству: онъ желаетъ превратить бесплодное въ плодородное, словомъ, одарить пустынный клочекъ земли всеми благами цивилизаціи и, этою дѣятельностью, оставить слѣдъ своей жизни.

Случай скоро представляется. Противъ императора, которому Фаустъ и Мефистофель уже, однажды, помогали, произошло возстаніе; они приходятъ ему на помощь съ своими волшебными силами и побѣждаютъ враговъ. Въ награду за это, Фаустъ долженъ получить морскою берегъ, но сцены, въ которой это происходитъ дѣйствительно, нѣтъ въ пьесѣ.

Въ пятомъ актѣ—новое созданіе уже въ ходу и, состарѣвшійся Фаустъ, какъ князь, владычествуетъ въ прибрежной землѣ. Гдѣ прежде ходили волны, теперь простираются луга, сады, села и лѣсъ. Мефистофель и духи должны служить его великимъ цѣлямъ, но они, гдѣ могутъ, мѣшаютъ въ дѣло свой дьявольскій, злой элементъ: торговлю и мореплаваніе они об-

съ Менелаемъ въ Спарту, а послѣ смерти Менелая сыновья его изгнали Елену на ос. Родось, царица коего Поликсъ велѣла ее повѣсить. Геродотъ же (ж. отъ 484 до 408 г. до Р. Х.), рассказываетъ, что Парисъ увезъ Елену въ Египетъ и греки осадили Трою, незная этого; только къ концу войны Менелай узналъ истину и отправился въ Египетъ, гдѣ ему и возвратили Елену. По Эврипиду Юнона (богиня) унесла Елену на ос. Фарось, а на мѣсто ея оставила въ Троѣ привидѣніе—двойникъ; потомъ Елену отыскалъ Менелай, такимъ образомъ, Елена осталась невинною. Греческая мифологія приписываетъ ей божественное происхожденіе, считая ее дочерью Юпитера, явившагося Ледѣ, ввидѣ лебеда.

1) Миеологія—сказаніе объ языческихъ богахъ. Миеологъ—человѣкъ рассказывающій баснословныя преданія.

рашаютъ въ пиратство (морской разбой), извращаютъ волю властителя, гдѣ нужно дѣйствовать кроткимъ принужденіемъ, тамъ они жгутъ и убиваютъ. Здѣсь глубоко трагическій эпизодъ съ Филимономъ и Бовкитой ¹⁾. Фаустъ чувствуетъ, что пока онъ не удалитъ отъ себя магіи, воля его не можетъ дѣйствовать свободно. На него нападаетъ Забота; онъ отказывается отъ своихъ магическихъ средствъ и не произноситъ волшебнаго слова, но онъ и не нуждается въ этомъ. Забота не можетъ оставить его. Здѣсь Гёте въ прекрасныхъ стихахъ выставляетъ практическую философію, которой онъ руководствовался въ продолженіи всей жизни. Для большей ясности, приведемъ часть 4-й сцены 5 го акта, представляющей глубокую ночь, во время которой, между прочимъ, (въ воздухѣ) появляются 4 мрачныя женскія фигуры: Порокъ, Грѣхъ, Нужда и Забота; онѣ бесѣдуютъ между собою, послѣ чего, остается одна послѣдняя, а 3 первыя удаляются и, при этомъ, говорятъ (или поютъ):

Прносятся тучи по тверди широкой—
Смотрите, смотрите! Далеко, далеко
Не братъ ли, не смерть ли виднѣется тамъ?

Фаустъ (*всматриваясь*).

Но, что за тѣни вижу я?
(*подождавъ*).

Пришли четыре, только три ушли!
О чемъ однако рѣчь онѣ вели?
«Нужда»! вдали печально раздалось
И слово «Смерть», какъ эхо, донеслось,
Все это мрачно, призрачно звучить.
Когда жь судьба меня освободить

¹⁾ Въ то время когда Фаусту достался морской берегъ, на возвышенномъ его мѣстѣ была хижина и садъ старика Филимона и его жены Бовкиты, расширивъ, при помощи плотинъ, береговую полосу, Фаустъ хотѣлъ переселить стариковъ на другое мѣсто, а на мѣстѣ ихъ хижины построить башню для наблюденія за страной. Услужливые помощники сожгли хижину Филимона, при чемъ, во время пожара, погибли: онъ самъ, его жена и, бывшій у нихъ гость.

Отъ призраковъ? О, если бы не знать
Мнѣ этихъ чаръ нееносныхъ и стоять
Лицомъ къ лицу съ природой! О, тогда
Быть человѣкомъ—стоило-бъ труда.

З а б о т а (*Фаусту*).

Ты никогда Заботы не знавалъ?

Ф а у с т ъ.

Я быстро въ мірѣ жизнь свою промчалъ:
За наслажденія на лету хватался,
Что ускользало—тотчасъ забывалъ,
Что оставалось—тѣмъ я наслаждался.
Я лишь желалъ, желанья исполнялъ
И вновь желалъ. И такъ я пробѣжалъ
Всю жизнь:—сперва—неукротимо, шумно,
Теперь живу—обдуманно, разумно.
Достаточно позналъ я этотъ свѣтъ.
А въ мірѣ другой—для насъ дороги нѣтъ.
Слѣпецъ, кто гордо носится съ мечтами,
Кто ищетъ равныхъ намъ за облаками
Стань твердо здѣсь и вокругъ води свой взоръ,
Для мудраго и этотъ міръ не вздоръ.
Къ чему мечтами въ вѣчности носиться.
Онъ ловить то лишь, съ чѣмъ онъ можетъ сжиться
И такъ весь вѣкъ въ борьбѣ онъ г. оводитъ.
Шумите духи!—Онъ себѣ пойдетъ.
Искать его всюду—счастье и мученье,
Не проводя въ довольствѣ ни мгновенья.
Да, мнѣ открыли долгой жизни годы
Законъ, который вѣчно не умретъ:
Лишь тотъ достоинъ жизни и свободы,
Кто ежедневно съ бою ихъ беретъ.

З а б о т а.

Разъ кого я посѣтила,
Тѣмъ на свѣтъ все не мило;
Бредятъ только о грядущемъ.

Вѣчно въ даль они несутся,
Но до цѣли не добьются.

Фаустъ.

Молчи, довольно для меня!
Не стану слушать я ни слова;
Твоя пустая болтовня
Какъ разъ съ ума сведеть любого.

Забота.

Въ путь несчастный выступаетъ
Легкій путь его прельщаетъ;
Но едва на путь онъ входитъ,
Ужъ не смѣлымъ шагомъ бродитъ,
Нить все болѣе теряетъ,
Все превратно понимаетъ,
И себѣ и всѣмъ мѣшаетъ;
Ни живетъ, ни умираетъ
Въ тягость самъ себѣ сверхъ мѣры,
Безъ отчаянья и вѣры.
Эта ноша горькой доли,
Свыше силы, противъ воли,
То смягчаясь, то терзая,
Отдохнуть не позволяя,
Губить жизни всю отраду
И готовить жертву аду.

Фаустъ.

Отъ демоновъ труднѣе намъ всего
Отдѣлаться: — крѣпки ихъ цѣпи — знаю,
Но-грозно-низкая Забота — твоего
Могущества, во вѣкъ я не признаю.

Забота.

Я ухожу. Узнай же въ этотъ мигъ,
Какъ велика Заботы мрачной сила!
Всю жизнь вы, люди, слѣпы. Ты старикъ,
Ослѣпни нынѣ у дверей могилы.

(дуетъ на него и исчезаетъ).

Фаустъ (ослѣпнувъ).

Въ очахъ моихъ весь міръ покрылся мракомъ;
Но тамъ въ душѣ, тѣмъ ярче свѣтъ горитъ—
Владыки слово все осуществить;
Докончу же задуманное мною.

Напрасно Забота пугала его, напрасно ослѣпила своимъ дыханіемъ; внутри его, по прежнему, сіяетъ яркій свѣтъ, и онъ неумоимо зоветъ своихъ помощниковъ на работу. Нужно провести каналъ и Фаустъ радуется, слыша, какъ бодро стучатъ лопаты, но копаютъ не то, что приказалъ онъ;—они роютъ ему могилу.

Между тѣмъ Фаустъ рисуетъ себѣ будущее, когда на вновь приобретенной почвѣ будетъ жить свободный народъ. Онъ хотѣлъ бы стоять съ свободными людьми на свободной землѣ. Если бы онъ этого достигъ, онъ сказалъ бы мгновенію—«остановись: ты такъ прекрасно!» Въ этомъ предчувствіи онъ умираетъ. Мефистофель проигралъ: ему не удалось заставить Фауста, на долго, свернуть съ настоящей дороги. Онъ до послѣдняго часа оставался неумоимо стремящимся впередъ, дѣйствующимъ для блага общаго.

Напрасно выставляетъ Мефистофель свои полки: они побѣждены въ бою съ ангелами; небесные посланники возносятъ, безсмертную часть Фауста; Марія, окруженная кающимися, несетъ ему на встрѣчу, Маргарита принимаетъ его и переноситъ въ высшія сферы: любовь возноситъ его на небо.

Послѣднія слова Фауста:

Стоитъ болото, воздухъ заражая—
И трудъ оно сгубить готово мой.
Я устраню гнилой воды застою—
Вотъ мысль моя послѣдняя, святая!
Пусть миллионы здѣсь людей живутъ
И на землѣ моей свободный трудъ
Да процвѣтетъ! На плодоносномъ полѣ
Стада и люди будутъ обитать.
И эти горы густо населять,
Что по моей возникли мощной волѣ.

И будет рай среди моихъ полянъ;
А тамъ-вдали—безсильный океанъ.
Пуškai шумить и бѣтятся о плотины.
Конечный выводъ мудрости одинъ—
И весь я преданъ этой мысли чудной,
«Лишь тотъ свободной жизни властелинъ,
Бто дни свои въ борьбѣ проводитъ трудной.»
Пуškai въ борьбѣ всю жизнь свою ведетъ
Дитя, и крѣпкій мужъ, и старецъ хилый
И предо мной возстанетъ съ чудной силой
Моя земля, свободный мой народъ!
Тогда скажу я: чудное мгновенье,
Прекрасно ты! Продлись, постой!
И не сметутъ столѣтья, безъ сомнѣнья,
Тогда слѣда, оставленнаго мной.
Въ предчувствіи минуты дивной той,
Я вышій мигъ теперь вкушаю свой,
(*падаетъ на руки Лемуровъ* ¹⁾ и умираетъ).

Мефистофель.

Нигдѣ не могъ онъ счастья отыскать—
Онъ грезилъ лишь, ловилъ свои видѣнья.
Послѣднее хотѣлъ онъ удержать,
Ничтожное, пустѣйшее мгновенье:

1) Этими именемъ назывались въ древности души злыхъ людей, а также злые духи, беспокоящіе смертныхъ; въ началѣ этой сцены, представляющій равнину передъ дворцомъ Фауста, приводится слѣдующая пѣсня Лемуровъ; которую они поютъ съ ужимками, копая могилу Фаусту, по приказанію, завѣдующаго работами по осушенію болота—Мефистофеля, вмѣсто канавы, которую, чрезъ Мефистофеля же приказалъ имъ копать Фаустъ:

Когда я юнъ и пылокъ былъ,
Мнѣ всё казалось мило,
Гдѣ пиръ былъ, дымъ столбомъ ходилъ,
Туда меня манило.
Но старость люта съ клюкой
Пришла стопою хилой—
И вотъ, стою я самъ не свой,
Предъ темною могилой.

Но время—царь: пришелъ послѣдній мигъ.
Боровшійся такъ долго, пале старикъ.
Часы стоятъ...

Погибла плоть и духъ готовъ бѣжать;
Росписку взялъ я: заперта дорога!

Духи свѣта.

Съ вами несходнаго
Надо бѣжать вамъ.
Съ вами несроднаго
Не удержать вамъ!
Тщетно грозить вашъ рой;
Хоръ нашъ къ нему слетить,
Только любви святой
Доступъ къ нему открыть.

Мефистофель.

Огонь въ груди и въ головѣ моей
Тутъ что-то есть сильнѣйшее чертей:
Гораздо легче адскія терзанья.
Скажите, дѣти милыя, скажите:
Отъ Люцифера-ль вы произошли?
Обнять бы васъ? О, ближе подойдите!
Какъ любо мнѣ, что вы сюда пришли.

Духи свѣта.

Подходимъ мы къ тебѣ не отходи же!

*(Духи свѣта занимаютъ все мѣсто оттъсня Мефисто-
феля на авансцену и поютъ):*

Пламя святое,
Бто имъ пылаеть,
Тотъ неземное
Счастье вкушаетъ.
Бъ славѣ Господней,
Бъ небу скорѣй;
Воздухъ свободнѣй
Духу вольнѣй.

*(Подымаются къ небу, унося безсмертную часть Фауста
поютъ):*

Высокій, дивный духъ успѣлъ
Отъ зла освободиться.
Спасенъ, кто въ жизни твердъ и смѣлъ
И къ истинѣ стремится!
Съ небесъ слетѣло на него
Любви сіянье вѣчной.
О, братья примемъ же его—
Съ любовію сердечной!

(*Маргарита къ Пречистой Дѣвѣ*).

О Дѣва Мать!

Мой прежній милый,
Съ чудной силой
Воздвигся вновь, пришелъ опять!
Священнымъ хоромъ окруженный,
Не узнаетъ себя онъ самъ,
Не чувствуетъ жизни обновленной
И сталъ уже подобенъ намъ.
Отъ всѣхъ одеждъ земного міра,
Отнынѣ онъ освобожденъ—
Въ одеждѣ новой изъ эфира—
Блится новой силой онъ.
Дозволь же мнѣ его наставить:
Онъ новой жизнью ослѣпленъ.

Mater gloriosa.

Иди: тебя онъ не оставитъ
Когда тебя узнаетъ онъ

Хоръ.

Лишь символъ все, что Богъ творитъ
Въ земномъ, тѣлесномъ мірѣ.
Святая истина царитъ
Въ небесномъ лишь эфирѣ.
Нашъ духъ возносится сюда
Лишь женственностью вѣчной
И здѣсь лишь близки навсегда
Мы къ тайнѣ безконечной.

II. Поэма „Германъ и Доротея“.

Сюжетъ этой поэмы взятъ изъ одной небольшой народной книжки Германіи, вышедшей въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ коей разсказывается, какъ въ 1731 г. графъ Фирмианъ, епископъ зальцбургскій, прогналъ изъ своей земли всѣхъ протестантовъ; большая толпа ихъ проходила чрезъ городъ Альтмюль, гдѣ жилъ одинъ богатый гражданинъ, напрасно склонявшій къ женитьбѣ своего единственнаго сына. Молодой человѣкъ между эмигрантами увидѣлъ дѣвушку, которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе и о которой всѣ соотечественники ея дали такіе хорошіе отзывы, что онъ, придя къ отцу, объявилъ ему свое твердое рѣшеніе жениться, или на этой дѣвушкѣ, или ни на комъ. Отецъ сперва не соглашался принять въ свою богатую семью невѣстку съ большой дороги, но настойчивость сына и убѣжденія пастора одолеваютъ его гордость. Сынъ идетъ къ дѣвушкѣ и предлагаетъ ей поступить къ нимъ въ услуженіе, на что она соглашается. Только, придя въ домъ своихъ, предполагаемыхъ, господъ, дѣвушка узнаетъ, что готовитъ ей судьба. Она охотно принимаетъ предложеніе, понравившагося ей молодаго человѣка и вынимаетъ изъ за пазухи кошелекъ, въ коемъ хранится 200 дукатовъ: оказывается, что она вовсе не такая безприданница, какъ думалъ ея будущій свекоръ.

Гете во многомъ измѣнилъ разсказъ. Онъ придалъ ему интесъ современности, обративъ зальцбургскихъ протестантовъ въ изгнанниковъ революціи: это нѣмцы, эмигрировавшіе съ лѣваго берега Рейна отъ политическихъ неурядицъ Франціи. Такимъ

образомъ, явилась возможность нѣмецкую домовитость и семейственность противопоставить бурнымъ политическимъ страстямъ, волновавшимъ тогда крайній западъ Европы и причинявшимъ несчастье миллионамъ невинныхъ. Далѣе, онъ осложнилъ дѣйствіе, введя нѣсколько новыхъ лицъ, а именно: мать молодого, моделью для которой послужила Гете въ значительной степени, его собственная мать—фрау Айи, и аптекаря, который раздѣляетъ съ отцомъ Германа его пошлое честолюбіе и стремленіе къ новизнѣ. Гете, такъ сказать, углубилъ характеръ героя и героини, сдѣлавъ изъ Германа вполнѣ жизненный идеалъ честнаго, трудолюбиваго, твердаго характеромъ нѣмецкаго юноши, стойкость и скромность котораго, близорукимъ людямъ толпы и поклонникамъ успѣха, кажется тупостью и неподвижностью; золотое сердце котораго, полное старинной нѣмецкой вѣрностью, могутъ оцѣнить только его любящая мать и умный пасторъ; а изъ героини—идеалъ нѣмецкой дѣвушки, очищенной испытаніями жизни и вполнѣ достойной такого мужа.

Съ гениальнымъ тактомъ, измѣнилъ Гете и нѣкоторыя второстепенныя подробности: рѣшеніе Германа не обусловлено, собранными о Доротеѣ свѣдѣніями, а есть инстинктивное, мгновенно охватившее его, чувство; справки собираютъ друзья его отца, а Германъ сердцемъ чувствуетъ, что онѣ будутъ въ пользу его возлюбленной. Онъ не обманываетъ умышленно Доротею, предлагая ей поступить въ служанки, а, отъ естественной конфузливости, даетъ поводъ, скромной дѣвушкѣ, такъ понять его предложеніе. Гете отбросилъ, какъ пошлое украшеніе, 200 дукатовъ, которыми, такъ филистерски, вознаграждается безкрысѣе юноши.

Во всёхъ 9 пѣсняхъ, дѣйствіе развивается замѣчательно естественно и послѣдовательно; тонъ спокойный, ровный, идеально эпическій, подробности обыденной жизни всегда остаются фономъ, прекрасно отбѣняющимъ душевную драму, но никогда не отвлекающимъ отъ нея вниманія, гекзаметръ ¹⁾ свободенъ отъ всякихъ украшеній.

¹⁾ Языкъ поэзіи бываетъ, или обыкновенный прозаическій, отличающійся только большимъ благозвучіемъ, вслѣдствіе выбора и расположенія словъ или стихотворный, слѣдующій определенному размѣру (отъ греческаго слова *στέγος* (стеѣω) шагъ, бывшій, вѣроятно, первоначальной мѣрой длины

Въ общихъ чертахъ поэма излагается такъ:

Вначалѣ ея разсказывается, между прочимъ, что родители Германа послали его раздѣлить между изгнанниками (изъ коихъ многіе, какъ имъ передавали, были голодны и наги) кое какое старое бѣлье и платье и съѣстные припасы, а вначалѣ второй пѣсни поэмы говорится:

Только что въ комнату благовоспитанный сынъ показался,
Встрѣтилъ его пронизательнымъ взглядомъ пасторъ на порогѣ;
Всю окинулъ фигуру и сталъ замѣчать поведенье,
Какъ наблюдатель, который лица выраженье читаетъ
И, улыбнувшись, къ нему обратился съ довѣрчивой рѣчью:
«Вы воротились, какъ-будто, другимъ человѣкомъ — ни разу
Васъ и вашего взора такимъ оживленнымъ не помню —
Такъ веселы и довольны. Замѣтно, что вы раздѣлили
Бѣднымъ дары и отъ нихъ благодарность святую пріяли».
Сынъ на такія слова отвѣчаетъ откровенно и скромно:
«Я не знаю похвалю ли я поступилъ; только сердце —
Такъ поступить мнѣ велѣло, какъ я разскажу вамъ подробно.

Слѣдуетъ разсказать, изъ коего видно, что все, посланное родителями, Германъ отдалъ одной дѣвушкѣ, которая обѣщала

линій). Въ послѣднемъ случаѣ, языкъ поэзіи бываетъ особенно музыкальнымъ, или пѣвучимъ и въ прежніе годы стихи не говорили, а шли при звукахъ какого либо струннаго инструмента; пѣніе лирическихъ произведеній, чаще всего, сопровождалось звуками лиры, отчего произошло и названіе ихъ. Въ языкахъ съ удареніемъ постоянно на опредѣленномъ слогѣ слова (напр.: въ Польскомъ — на предпоследнемъ, во Французскомъ — на послѣднемъ), размѣръ стиховъ можетъ основываться на одинаковомъ числѣ слоговъ съ неизмѣннымъ созвучіемъ или рифмованіемъ послѣднихъ слоговъ, (силлабическій), въ языкахъ съ долгими и короткими слогами, размѣръ стиховъ м. б. метрической, основанный на долготѣ и короткости слоговъ, напр. въ яз. греческомъ, а въ языкахъ, неизмѣняющихъ долгихъ и короткихъ слоговъ (русскій, нѣмецкій), наиболѣе соотв. размѣръ тоническій, основанный на грамматическомъ удареніи (отъ слова *тѣсъ* — *тоносъ* — удареніе). Слогъ съ удареніемъ, вмѣстѣ съ однимъ или двумя слогами безъ ударенія называется *стопомъ*, которая, такимъ образомъ, можетъ быть двухъ и трехъ сложная. Если въ 2-хъ сложной стопѣ, удареніе стоитъ на первомъ слогѣ, то она называется *аорей*, а если на второмъ — *Имбъ*. Трехсложныя стопы съ удареніемъ: на первомъ, второмъ или третьемъ слогѣ, соотвѣтственно, называются: *дактиль*, *амфибрахій* и *анapestъ*. Шестистопныя стихи, въ которыхъ перемеживаются дактили и хорей, называются *гекзаметромъ* причемъ послѣдняя стопа, обязательно-хорей, а предпоследняя — дактиль

раздѣлить все это добросовѣстно между нуждающимися. Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь аптекаря, который, между прочимъ, говоритъ:

«Блаженъ, кто во время изгнанья
И безпорядка живетъ въ своемъ домѣ одною душою
И къ кому ни жена, ни малютки не жмутся съ боязнью;
Спасъ я наличныя деньги да тѣло свое—такъ и все я
Спасъ. Одному человѣку легко убѣжать и укрыться».
Юноша Германъ на то, съ удареньемъ, замѣтилъ сосѣду:
«Нѣтъ, я мнѣнія другаго и вашу рѣчь осуждаю.
Развѣ тотъ человѣкъ достойный, кто въ горѣ и счастья,
Лишь о себѣ помышляя, дѣлать ни тоски, ни веселья
Не умѣетъ и въ сердцѣ на это призванія не имѣетъ.
Въ наше время, скорѣе я на бракъ въ состоянїи рѣшиться:
Сколько достойныхъ дѣвицъ лишены покровительства мужа,
Сколько мужчинъ безъ жены, подающей отраду въ несчастїи!»
Съ тихой улыбкой отецъ на это: «Я радъ тебя слушать.
Рѣдко со мной говоришь ты такія разумныя рѣчи.
Да, мой Германъ, мою бы ты старость утѣшилъ, когда бы
Мнѣ ты невѣстушку въ домъ изъ сосѣднаго привелъ, понима-
ешь—
Вонъ изъ зеленаго дома. Отецъ человѣкъ съ состояньемъ,
Фабрика знатно идетъ у него; отъ торговли онъ съ каждымъ
Днемъ богатѣетъ. Купецъ со всего барыши паживаетъ—
Только три дочери всего: имъ однѣмъ достанется имѣніе.

и т. д

Потомъ слѣдуетъ довольно длинный разговоръ сына о сосѣдяхъ, послѣ коего,—нѣсколько словъ матери, которая, между прочимъ, говоритъ:

Мина, точно, добра и все тебя помнить; наемдни
Спрашивала у меня про тебя. Вотъ ее бы ты и выбралъ!

Снова слѣдуетъ короткій отвѣтъ сына, заканчивающійся словами:

Не хотѣлось бы мнѣ опять ея пѣсни услышать.

Пѣсня оканчивается недовольной рѣчью отца и уходитъ Германа.

Въ 3-й пѣснѣ разговоръ въ домѣ родителей Германа происходитъ въ его отсутствіи, а въ 4 разсказывается, какъ мать, послѣ продолжительнаго разысканія, нашла его, наконецъ, грустнаго, среди роскошныхъ, созрѣвающихъ посѣвовъ хлѣба на своихъ же поляхъ, подъ старой грушей и, послѣ довольно долгаго разговора, догадалась, что сынъ уже выбралъ себѣ невѣсту, причежь она говорить:

Прямо со мной говори, а мнѣ уже сердце сказало,
Что ты дѣвушку ту, ту иностранку, выбралъ сегодня.
«Милая матушка» сынъ подхватилъ съ увлеченіемъ,
«Точно, точно ее! и если сегодня же въ домъ свой
Я невѣстой ее не введу, въ такой суматохѣ
Всѣхъ переѣздовъ и войнъ и слѣда ея послѣ не сыщешь.
Матушка, тщетно тогда все для меня достоянье,
Тщетно, грядущіе годы украсятся жатвой обильной,
Самый домъ вашъ и садъ для меня потеряютъ значенье».

Далѣе разсказывается какъ, наконецъ, обоюднымъ усиліямъ матери, пастора и Германа, удалось добыть согласіе отца послѣдняго на бракъ съ изгнанницей; какъ, тотчасъ послѣ этого, Германъ, а съ нимъ пасторъ и аптекаръ (въ качествѣ сватовъ) поѣхали въ деревню, гдѣ остановились изгнанники, но только пасторъ и аптекаръ пошли въ нее, Германъ же съ лошадьми и повозкой остался ожидать ихъ возвращенія въ роцѣ недалеко отъ деревни, причиною чего послужило размышленіе Германа, высказанное имъ слѣдующими словами, произнесенными имъ

1) до ухода его спутниковъ въ деревню:

«Слѣзьте, друзья и ступайте развѣдывать: точно-ль достойна
Дѣвушка эта руки, которую ей предлагаю.
Знаю, что мнѣ вы о ней не разкажете новыхъ диговинъ,
Будь одинъ я теперь, пошелъ бы въ деревню немедля
И судьбу, моя милая, въ нѣсколько словъ бы рѣшила;
Только я вамъ говорю и особенно стану просить васъ:
Съ дѣвушкой вы ни полслова. Не дайте замѣтить ей тайны.
Слушайте только другихъ, да что они вамъ поразскажутъ».

2) послѣ возвращенія ихъ съ хорошими о дѣвѣшкѣ извѣстіями:

«Сюда мы пріѣхали быстро,

А домой со стыдомъ, быть можетъ, тихонько вернемся—

Не потому ли, что мы такъ богаты, а дѣвушка эта

Такъ бѣдна и безъ крова, она предложеніе приметъ?

Бѣдность бываетъ горда, когда не заслужена. Малымъ

Дѣвушка эта довольна, прилежна, а съ тѣмъ и богата».

Будь, что будетъ! (воскликнулъ Германъ, почти не слушая разсказа спутниковъ).

Самъ я пойду и хочу узнать мой жребій отъ самой

Дѣвушки. Я ей такъ отъ души во всемъ довѣряюсь.

и т. д.

Только оставьте меня: вамъ нечего ждать. Вы ступайте

Къ батюшкѣ прямо да къ матушкѣ: пусть они знаютъ, что
сынъ ихъ

Выборъ сдѣлалъ хорошій, что дѣвушка эта прекрасна.

Пасторъ и аптекаръ уѣхали домой къ родителямъ Германа, а

Германъ пошелъ пѣшкомъ въ деревню и по дорогѣ встрѣтился

съ Доротеей у колодца, гдѣ между ними завязался разговоръ,

во время котораго, между прочимъ, Доротея спросила:

«Какъ это здѣсь ты? откуда? безъ лошадей и повозки,

Такъ далеко отъ мѣста, гдѣ мы по встрѣчались недавно?»

Германъ въ раздумьи глаза опустилъ, но, скоро поднявъ ихъ

На нее и, взглянувъ ей весело въ очи, онъ тотчасъ

Сталъ покоенъ въ душѣ. Но все говорить съ ней о любви

Было бы ему невозможно. Глаза у нея не любовью—

Чистымъ разсудкомъ свѣтились и ждали разумнаго слова.

Съ духомъ собравшись, довѣрчиво дѣвушкѣ сталъ говорить онъ:

«Я пришелъ сюда для тебя: зачѣмъ мнѣ скрываться?

Въ домѣ я счастливъ, со мною родители милые оба;

Имъ помогаю я доможъ и нашимъ имѣніемъ править,

Сынъ у нихъ я одинъ, а много разныхъ занятій:

Я завѣдую всеми полями, а батюшка въ домѣ

Править; заботливость матушки все оживляетъ хозяйство,

Но ты, вѣроятно, сама видала, какъ часто прислуга,

То легкомыслиемъ, то невѣрностію мучить хозяйку,

Вѣчно мѣнять заставляетъ ее и вдаваться въ ошибки.
Вотъ почему уже матушка съ давней поры пожелала,
Чтобы дѣвушка въ домѣ, помощница дѣломъ и сердцемъ,
Дочь замѣнила, которой она такъ рано лишилась.
Нынче, увидя тебя у воза веселой и ловкой,
Силу замѣтивъ руки и здоровье пышное членовъ,
Слыша рѣчи твои разумныя, я изумился
И при знакомыхъ родителямъ дома хвалилъ иностранку,
Какъ тебя надлежало хвалить. Теперь я желанье
Ихъ и мое объявляю. Прости мнѣ, что я заикаюсь».
— «Не затрудняйтесь» сказала она— «продолжать ваши рѣчи.
Я не обижусь, напротивъ, слушаю васъ благодарно.
Прямо и все говорите: я слова не стану пугаться.
Вы хотите нанять меня служанкою въ домъ свой.
Батюшкѣ вашему съ матушкой въ помощь, при общемъ хо-
зяйствѣ,
Дѣвушкой скромной считая меня и не злобной душою,
Расторопной, къ тому же способной къ домашней работѣ.
Вы коротко объяснились и я коротко вамъ отвѣчу
Да, я за вами пойду—послушаюсь голоса рока.

По дорогѣ къ дому родителей Германа, Доротея разспрашивала его о характерахъ его родителей и, между прочимъ, сказала:

«Но кто же скажетъ мнѣ: какъ должна поступать я съ тобою
Будущимъ господиномъ и сыномъ единственнымъ въ домѣ?»
Юноша за руку дѣвушку взялъ и тихо сказалъ ей:
«Сердце пусть научитъ тебя: его ты послушай,

Въ VIII пѣснѣ описывается возвращеніе Германа съ Доротеей въ отцовскій домъ, куда они пришли поздно вечеромъ, а въ послѣдней—IX пѣснѣ все разъясняется, хотя—вначалѣ произошло недоразумѣніе. Отецъ Германа, не зная, что Доротея явилась въ домъ ихъ въ качествѣ служанки, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

«Да, дитя мое, радъ я сердечно, что тотъ же у сына
Вкусъ, который отецъ въ свое показывалъ время:

Лучшую въ танцахъ всегда выбиралъ онъ и лучшую послѣ
Въ домъ привелъ какъ жену, вотъ эту маменьку вашу.
Только и вы то, я думаю, медлили мало рѣшеньемъ;
Кажется мнѣ, что за нимъ послѣдовать очень не трудно».

Слова эти показали дѣвушкѣ насмѣшкой и она оскорби-
лась, полагая, что старикъ хочетъ указать, какъ ей далеко до
него и его сына:

«Правда, я бѣдна, съ узломъ небольшимъ я вступаю
Въ домъ, переполненный всѣмъ, что радуетъ сердца хозяевъ,
Но я вижу себя и чувствую всѣ отношенія.
Такъ благородно ль меня язвить насмѣшкою такою,
Что на порогъ меня почти прогоняетъ изъ дому?»

Пасторъ былъ уже предупрежденъ Германомъ о, произведен-
ной имъ, путаницѣ въ отношеніи дѣвушки,

Но рѣшился не тотчасъ распутать сплетенье,
А извѣдать сначала смущенной дѣвушки душу,
Къ ней теперь обратился онъ такъ, испытующей рѣчью:
«Знать, чужеземная дѣвушка, ты обдумала мало,
Если къ чужимъ въ услуженіе поступить такъ скоро рѣшилась,
Какъ не легко быть въ домѣ и волю признать господина.
Только ударъ по рукамъ—и участь пѣлаго года
Рѣшена, а быть можетъ придется терпѣть изъ-за слова,
Но на это, мнѣ кажется, ты неспособна, коль шуткой
Такъ оскорбилась отцовской; а нѣтъ ничего обидннѣе
Какъ мучить дѣвушку тѣмъ, что юноша милъ ей такой-то».
Такъ заключилъ онъ. Дослушала дѣвушка мѣткія рѣчи.
Силы ей измѣнили, чувства просились на волю,
Тяжкій вырвался вздохъ изъ высоко-поднявшейся груди
И она, проливая горькія слезы, сказала:
«Вы довольны и счастливы: можетъ ли шутка васъ тронуть?
Но до больного нельзя и даже слегка прикоснуться.
Нѣтъ! что пользы теперь, хотя-бъ удалось притворяться?
Пусть раскроется то, что бы послѣ умножило горе
Но, быть-можетъ, меня истомило безмолвнымъ страданьемъ,
Такъ отпустите меня! Мнѣ въ домъ нельзя оставаться:

Я пойду своихъ отыскивать бѣдныхъ, которыхъ
Въ горѣ покинула, лучшее лишь для себя избирая.
Воля моя теперь неизмѣнна. Поэтому можно
Въ томъ признаться, что въ сердцѣ иначе таились бы годы:
Да! насмѣшка отца во мнѣ поразила не гордость,
Не щекотливость, которая вовсе служанкѣ не кетати,
Но затронула сердце мое, гдѣ склонность рождалась
Бъ юношѣ, бывшему нынѣшній день избавителемъ нашимъ.
Въ первый разъ онъ еще, какъ насъ въ дорогѣ покинулъ,
Въ мысляхъ былъ предо мною...
Снова встрѣтивъ его у колодца, я такъ была рада,
Будто мнѣ существо не земное своей образъ явило.
Съ радостью шла я за нимъ, какъ меня приглашалъ онъ въ слу-
жанки.

Сердце, однако, мнѣ льстило (я въ томъ признаюсь откровенно).
Что, когда-либо, я заслужу себѣ счастье, быть-можетъ,
Стать опорой, со временемъ необходимою въ домѣ.
Но впервые—увы! я вижу опасность, которой
Подвергалась, живя вблизи, любимаго втайнѣ.
Счастливый случай меня остерегъ и сердце удачно
Тайну раскрыло свою, пока еще зло исправимо
Все теперь я сказала—и въ домѣ ничто не удержитъ
Долѣе меня: оставаться здѣсь мнѣ страшно и стыдно,
Высказавъ склонность свою и сладкой надежды безумство.
Я ухожу. Прощайте! Моя судьба совершилась».
Такъ говорила она и быстро къ дверямъ повернулась,
Тотъ узелокъ, что съ собой принесла, сохраняя подъ мышкой.
Но руками обѣими дѣвушки станъ обнимая,
Мать, изумленная, ей закричала въ сильномъ смущеніи:
«Что это значить? скажи мнѣ, къ чему напрасныя слезы?
Нѣтъ я тебя не пущу—и ты нареченная сыну».
Но раздраженный отецъ, напротивъ того, обратился
Бъ плачущей горько съ такой недовольной и жестокою рѣчью:
«Вотъ мнѣ какая награда за все мое снисхожденіе.
Что вотъ и день мой кончается самымъ пустымъ и несноснымъ!
Нѣтъ для меня ничего нестерпимѣе женскаго плача,
Страшнаго крика и всякихъ пустыхъ и запутанныхъ дѣйствій

Тамъ, гдѣ, съ малымъ разсудкомъ, легко все тихо уладить.
Мнѣ тяжело поведеніе такое странное видѣть
Долѣе... Сами кончайте все, я спать отправляюсь».
Сынъ, однако, его удержалъ умоляющимъ словомъ:
«Батюшка, не уходите, на дѣвушку вы не сердитесь:
Я одинъ виноватъ во всей суматохѣ, въ которой
Зло, неожиданно такъ, нашъ другъ увеличилъ притворствомъ.
Но, улыбаясь, на это пасторъ достойный замѣтилъ:
«Чья бы мудрость могла прекрасное вызвать признание
Этой дѣвушки доброй и вамъ раскрыть ея душу?
Развѣ забота сама тебѣ не въ восторгъ и не въ радость?
Самъ теперь говори. Къ чему объясненіе чужое!»
Германъ вышелъ впередъ съ веселія полною рѣчью:
«Не сожалѣй о слезахъ и объ этой летучей печали!
Ею закончено счастье мое и твое, я надѣюсь.
Милую, чудную дѣвушку не искать въ услуженье
Я къ колодцу ходилъ—любви заискать приходилъ я.

Путаница разрѣшается, всѣ успокаиваются и происходятъ обреченіе Германа съ дорогеей.

Всѣ 9 пѣсенъ (въ русскомъ переводѣ) въ собраніи сочиненій Гете, изданномъ подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля, занимаютъ около 57 страницъ (по 38 строкъ на страницѣ), причемъ всѣ обстоятельства и характеры лицъ, упоминаемыхъ въ поэмѣ, конечно, обрисовываются много яснѣе, чѣмъ, въ приведенномъ здѣсь нами, краткомъ извлеченіи.

III. Трагедія „Ифигенія въ Тавридѣ“.

Ифигенію въ Тавридѣ нѣмецкіе критики признають однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній Гете, а нѣкоторые изъ нихъ считаютъ ее идеаломъ драмы, соединяющей въ себѣ достоинства античной и новой трагедіи. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе:

Царь Агамемнонъ, главный начальникъ грековъ въ войнѣ троянской, оскорбилъ Артемиду ¹⁾, за что богиня наслала штиль ²⁾, при которомъ корабли его не могли двинуться къ Троѣ, и, чтобы умилостивить, разгнѣванную, богиню, царь долженъ былъ принести ей въ жертву дочь свою Ифигенію, но, въ самый моментъ жертвоприношенія, Артемиды сжалилась надъ дѣвушкой и перенесла ее въ Тавриду, гдѣ та служитъ жрицею въ храмѣ богини. Между тѣмъ, послѣ возвращенія изъ подлѣ Трои, Агамемнонъ убитъ женою Клитемнестрою, которая, въ свою очередь, пала отъ руки сына Ореста. Хотя Орестъ отомстилъ за смерть отца по волѣ оракула, но его преслѣдуютъ фурии ³⁾ и оракулъ сказалъ ему, что онъ освободится отъ мученія, когда добудетъ въ Тавридѣ сестру и возвратитъ ее домой. Орестъ думалъ, что рѣчь идетъ о сестрѣ Аполлона—Артемидѣ (или Діанѣ), изображеніе которой онъ долженъ достать изъ Тавриды, такъ какъ свою сестру онъ считалъ давно погибшею.

¹⁾ Артемиды-тоже что у Римлянъ Діана-дочь Зевеса (или Юпитера) и Леты богиня луны, а также охоты. Почитаніе ея произошло отъ поклоненія луны, какъ почитаніе Юпитера отъ поклоненія грому и молніи.

²⁾ Безвѣтріе на морѣ.

³⁾ Фуриями у римлянъ назывались богини мести, коихъ считалось 3.: Алекты, Мегеры и Тизофона, у Грековъ онѣ назывались Эвменидами и въ трагедіи Эсхили подлѣ этимъ именемъ ихъ 50; у нихъ были храмы въ коихъ имъ приносили въ жертву-нефимію (смѣсь воды съ медомъ) и черныхъ овецъ.

Мѣсто дѣйствія — земля тавровъ. Ифигенія выходитъ изъ храма богини въ ближайшую рощу и въ печальномъ монологѣ изливаетъ тоску своею по родинѣ и по близкихъ людяхъ; она знаетъ, чѣмъ обязана богинѣ и страдаетъ, что служить ей противъ воли. Приходитъ Аркасъ, приближенный царя Тоаса, и возвѣщаетъ ей о возвращеніи послѣдняго изъ побѣдоноснаго похода, которымъ онъ отомстилъ за смерть сына. Ифигенія, въ разговорѣ съ нимъ, вспоминаетъ о своей радостной юности и жалуется на свою печальную участь, на свою одинокую жизнь, которая хуже смерти. Аркасъ утѣшаетъ ее, умоляетъ быть ласковою съ царемъ и не отвергнуть предложенія, которое онъ ей сдѣлаетъ, иначе она огорчитъ царя и сдѣлаетъ зло себѣ и другимъ. Ифигенія испугана этими рѣчами.

слова Аркаса.

Когда бы царь повелъ съ тобой бесѣду.
Сегодня облегчи ему сама—
То высказать, что онъ открытъ желаетъ.

Ифигенія.

Какъ добрымъ каждымъ словомъ ты меня
Страшишь сегодня! Часто я избѣгнуть
Старалася предложенія его.

Она боится, что царь увлечетъ ее силою отъ алтаря и сдѣлаетъ своею женою, но Аркасъ успокаиваетъ ее. Приходитъ Тоасъ со свитою; Ифигенія встрѣчаетъ его благословеніемъ. Царь жалуется на свое одиночество и предлагаетъ ей руку. Ифигенія старается отклонить его предложеніе, доказывая, что это слишкомъ большая честь для несчастной изгнанницы. Царь уговариваетъ ее открытъ свое происхожденіе, на что она соглашается, наконецъ, и излагаетъ исторію своего, осужденнаго богами, рода. Царь возобновляетъ свое предложеніе. Тогда Ифигенія откровенно заявляетъ, что она еще не утратила надежды увидѣть родительскій домъ, къ которому влечетъ ее сердце.

Въ продолженіи своей службы при храмѣ, Ифигенія, своимъ вліяніемъ на царя уничтожила жестокій обычай приносить иностранцевъ въ жертву на алтарѣ Діаны; теперь же, разгнѣван-

ный ея отказомъ, царь объявляетъ свое рѣшеніе: пусть она по прежнему остается жрицею; только онъ изъ за нея не намѣренъ болѣе нарушать древній обычай и возбуждать ропотъ народа, лишая алтарь богини законныхъ жертвъ Ифигенія теперь же должна заколоть на алтарѣ Діаны двухъ иностранцевъ, которые скрываются въ береговой пещерѣ. Онъ уходитъ, а Ифигенія обращается съ молитвою къ Діанѣ, прося сохранить ея руки, по прежнему, чистыми отъ крови.

Во второмъ актѣ предъ нами Орестъ и другъ его Пиладь; видя, приближающуюся, Ифигенію, Пиладь проситъ Ореста удалиться, чтобы онъ не выдалъ себя жрицѣ. Вступивъ съ нею въ разговоръ, онъ, къ радости своей, узнаетъ, что она гречанка, но называетъ себя и Ореста ложными именами и рассказываетъ вымышленную исторію, имѣющую только нѣкоторое сходство съ дѣйствительностью; Ифигенія умалчиваетъ о своемъ имени и родѣ и спрашиваетъ его о судьбѣ грековъ, воевавшихъ Трою. Услыхавъ объ ужасной смерти Агамемнона и о томъ, какъ она сама была невинной причиной его гибели¹⁾, она покрыла голову и удалилась въ невыносимой тоскѣ. Пиладь, оставшись одинъ, заключаетъ, что жрица близко знала Агамемнона²⁾.

Въ третьемъ актѣ предъ нами Орестъ и Ифигенія. Она твердо рѣшилась отказаться отъ кроваваго долга, но боится,

¹⁾ Клитемнестра негодовала на мужа за принсеніе въ жертву Ифигеніи.

²⁾ Агамемнонъ—царь Микенскій, происходилъ изъ дома Танталидовъ и былъ сыномъ Плистеи и Эропы, а внукомъ Атрея (по трагикомъ Греціи) или сыномъ Атрея и Эропы—по Гомеру. Отъ брака съ Клитемнестрою, дочерью спартанскаго царя Тиндора, онъ имѣлъ 4-хъ дочерей: Лаодику, Ифигенію, Электру и Хризосхему и сына Ореста. Послѣ паденія Трои на долю Агамемнона досталась дочь Пріама Кассандра, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей. По возвращеніи въ Микены онъ былъ убитъ Клитемнестрою при содѣйствіи Эгиста, по Гомеру—на пиру, а по трагикамъ въ бѣгѣ.

Атрей сынъ Пелопса и Гиподаміи отецъ Плистеи и дѣдъ Агамемнона и Менелая царствовалъ въ Микенахъ отъ 1307 до 1280 г. предъ Р. Хр.; жена его Эропа (или Аэропа) была соблазнена его братомъ Фіестомъ, за что была изгнана Атреемъ, который велѣлъ убить двухъ рожденных ею отъ Фіеста младенцевъ и приготовить изъ нихъ кушанье для послѣдняго. Атрей былъ убитъ потомъ Эгисфеномъ сыномъ Фіеста.

что царь на ея мѣсто назначить другую, которая не будетъ такъ совѣтлива. Она говоритъ Оресту:

Несчастный, я сняла твои оковы,
Но участи печальной это знакъ.
Свобода здѣсь, въ святилищѣ богини,
Какъ полный жизни, но послѣдній вздохъ.
Могла-ль бы я губительной рукой
Нанести вамъ смерть? Пока еще Діанѣ.
Я жрицею служу, никто другой,
Кто-бъ ни былъ онъ, не смѣетъ васъ коснуться.
Но если отклоню я отъ себя
Ужасный долгъ, котораго свершенію
Обрекъ меня, разсвирѣпѣвшій царь—
Онъ избересть на мѣсто жрицы прежней
Одну изъ дѣвъ, теперь служащихъ мнѣ;
Тогда, съ однимъ желаніемъ горячимъ
Вамъ помогать безсилна буду я—
О дорогой, достойный соплеменникъ!
Послѣдняго раба, въ дому отцовъ,
Служившаго у очага родного,
Мы рады встрѣтить въ чужой сторонѣ;
Судите же, съ какимъ благословеніемъ
И радостью должна я встрѣтить васъ,
Напомнившихъ мнѣ образы героевъ,
Отъ дѣтскихъ лѣтъ высоко чтимыхъ мпой.

Не называя своего имени, она разспрашиваетъ Ореста о дорогихъ ей людяхъ.

О р е с т ь.

Съ намѣреніемъ ли мудрымъ ты скрываешь
Свое происхожденіе, или я
Могу узнать, кѣмъ встрѣченъ благосклонно,
Какъ божествомъ, на этомъ берегу?

И ф и г е н і я.

Узнаешь всё, но расскажи мнѣ прежде
О томъ, что не досказалъ твой братъ.

Послѣ сильной душевной борьбы, Орестъ рассказываетъ ей о томъ, какъ погибла Клитемнестра отъ руки сына и какъ убійцу мучать фуриі; наконецъ, онъ называетъ себя и убѣждаетъ ее спастись отсюда вмѣстѣ съ Пиладомъ, предоставивъ его на жертву, желанной смерти. Ифигенія, помолвившись богами, чтобы они не лишили ее, неожиданно доставшагося ей счастья и, подготовивъ Ореста, открываетъ ему кто она и хочетъ обнять его. Онъ сперва не вѣритъ ей, отталкиваетъ въ ужасѣ отъ своей, проклятой, груди, а признавъ, зоветъ духъ матери и фуриі присутствовать при смерти брата отъ руки любящей сестры и падаетъ въ изнеможениі. Ифигенія спѣшитъ за Пиладомъ. Опомнившись, Орестъ воображаетъ себя въ царствѣ мертвыхъ, видитъ примиренныя тѣни своихъ предковъ—своего отца и матери; когда приходитъ Ифигенія съ Пиладомъ, онъ и ихъ считаетъ мертвецами, а придя въ себя, онъ испытываетъ тихую и чистую радость въ объятіяхъ сестры и благодаритъ боговъ, освободившихъ его отъ фуриі; теперь и для него прекрасенъ Божій міръ. Пиладъ совѣтуетъ не терять времени и дѣйствовать для общаго спасенія.

Четвертый актъ начинается монологомъ Ифигеніи, изъ котораго узнаемъ, что Пиладъ составилъ планъ похищенія священнаго изображенія Артемиды и уже скрылся вмѣстѣ съ Орестомъ на берегу моря, близъ мѣста, гдѣ ждетъ ихъ корабль; но ее мучитъ совѣсть, что она должна обманывать гостепріимнаго Царя и народъ. Приходитъ Аркасъ и отъ имени царя приказываетъ поторопиться съ жертвоприношеніемъ. Ифигенія рассказываетъ, что старшій изъ плѣнниковъ носить на себѣ страшный грѣхъ; своимъ присутствіемъ онъ осквернилъ святилище и теперь Ифигенія съ помощницами должна нести изображение на берегъ моря и обмытъ его чистой волной, причемъ никто не долженъ мѣшать имъ. Уходя, чтобы сказать объ этомъ царю, Аркасъ снова убѣждаетъ ее принять предложеніе царя, тогда не будетъ и рѣчи объ убійствѣ чужеземцевъ, такъ какъ войско давно уже отвыкло отъ этихъ ужасовъ. Ифигенія еще больше страдаетъ отъ внутренней борьбы. По уходѣ Аркаса, приходитъ Пиладъ и говоритъ, что спутники съ нетерпѣніемъ ждутъ ея съ изображеніемъ Діаны, а узнавъ о

ея тягостномъ состояніи, старается убѣдить ее, что нужда закона перемѣняетъ. что судьба заставляетъ ее уклониться отъ строгой правды, иначе она всехъ погубить:

Если, говорить онъ.

Погибнемъ мы, то тяжелый упрекъ

Отчаянемъ падеть тебѣ на сердце.

Еще утратъ не знала видно ты,

Когда для избѣжанья золь великихъ,

Пожертвовать не хочешь ты однимъ

Спасительнымъ, хотя и лживымъ словомъ.

И ф и г е н і я.

О, если бы могла носить въ груди

Я сердце мужа твердое, въ которомъ,

Когда отважный замыселъ таить,

Все голоса иные умолкають.

Оставшись одна, Ифигенія сознаетъ необходимость исполнить планъ Пилада, но ей страшно тяжело, что она не можетъ чистою и нравственною жизнью, о которой она всегда мечтала, отклонить проклятіе отъ своего рода. Она въ ужасѣ чувствуетъ какъ въ душѣ ея подымается семейная ненависть къ богамъ и молить ихъ дать ей возможность сохранить вѣру въ ихъ благость. Актъ заканчивается пѣсенкой Ифигеніи, которую, какъ она припоминаетъ, въ дѣтствѣ пѣвала ей няня и которая начинается такъ:

О племя людское,

Страшися боговъ

Все съѣтъ они держать

Въ безсмертныхъ рукахъ.

По прихоти могутъ

Прощать и карать.

Въ началѣ пятаго акта, Аркасъ высказываетъ царю подозрѣніе, что плѣнники готовятся бѣжать и жрица вмѣстѣ съ ними; говорятъ, что по близости скрывается корабль, ихъ ожидающій. Царь посылаетъ за Ифигеніей и приказываетъ внимательно осмотрѣть берегъ. Является Ифигенія. Тоасъ настойчиво тре-

буетъ отъ нея правды. Сперва она пытается уклониться хитростью, потомъ, послѣ короткой, но тяжелой борьбы со страхомъ, не за одну свою участь, рассказываетъ царю всю правду.

Пораженный Тоасъ высказываетъ подозрѣніе, что сама Ифигенія обманута плѣнниками, но та разубѣждаетъ его. Въ это время является вооруженный Орестъ и зоветъ своихъ спутниковъ. Царь съ мечемъ въ рукѣ загоразиваетъ ему дорогу.

Ифигенія бросается между ними и умоляетъ не осквернять жилище богини. Орестъ, узнавъ кто передъ нимъ, опускаетъ оружіе. Тоасъ, черезъ Аркаса, приказываетъ своимъ воинамъ удерживаться отъ всякаго насилія; Орестъ, чрезъ Пилада, отдаетъ такое же приказаніе своимъ. Тоасъ требуетъ отъ Ореста доказательствъ, что онъ сынъ Агамемнона и братъ. Ифигенію; Орестъ указываетъ на отцовскій мечъ и выражаетъ готовность противостать любимому изъ воиновъ Тоаса. Царь предлагаетъ ему вступитъ съ нимъ самимъ въ единоборство, отъ исхода котораго будетъ зависѣть на будущее время судьба всѣхъ иноземцевъ въ Тавридѣ. Напрасно Ифигенія старается склонить его къ миру: онъ должелъ битися съ чужеземцемъ изъ за св. изображенія Артемиды, которое тотъ хочетъ похитить. Тогда только Оресту становится ясенъ смыслъ оракула Аполлона: не свою сестру, а Орестову разумѣлъ богъ. Тоасъ не можетъ долѣе противиться убѣдительнымъ рѣчамъ Ореста и кроткимъ мольбамъ Ифигеніи и съ миромъ отпускаетъ ихъ въ отечество.

Льюисъ очень высоко цѣнитъ «Ифигенію» Гёте, какъ художественное произведеніе, но убѣжденъ, что въ ней, кромѣ именъ и др., второстепенныхъ подробностей, нѣтъ ничего греческаго. Ифигенія не греческая, а высоконравственная христіанская дѣвушка. Тоасъ не свирѣпый, коварный скиѣ, а гуманный и просвѣщенный человѣкъ, безусловно вѣрный своему слову. При томъ, по мнѣнію Льюиса, трагедія Эврипида ¹⁾ того же названія), съ которымъ соперничалъ Гёте — несравненно драматичнѣе, но съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ согласиться

¹⁾ Эврипидъ одинъ изъ трехъ великихъ греческихъ трагиковъ (Эхиль и Софокль также) родился въ 480 г. до Р. Хр. на от. Саламинѣ, былъ другомъ Сократа. и по приглашенію Архелая переселился въ Македонію, гдѣ на 74 г. жизни былъ растерзанъ собаками.

нельзя: Ифигенія Гёте—драматичнѣ Эврипидовой въ томъ отношеніи, что у Гёте узелъ развязывается изъ самаго характера, дѣйствующихъ лицъ безъ помощи «бога изъ машины».

III Драматическая шалость въ 5 актахъ. Триумфъ чувствительности.

Фабула ея такова: на сценѣ предъ нами нѣмецкій сентиментальный принцъ, получившій отвращеніе отъ здоровой дѣйствительности. Онъ не желаетъ имѣть ничего общаго съ дѣйствительной природой, въ которой много неудобствъ и неравностей и замѣнилъ ее природной поддѣлкой, которую устроилъ въ своихъ комнатахъ. Онъ сдѣлалъ куклу, изображавшую любимую имъ дѣвушку и объяснялся ей въ любви; когда же явился оригиналъ портрета, онъ испугался и убѣжалъ къ милой, безотвѣтной куклѣ. Конецъ этого фарса такой: кула распарывается и изъ нея выпадаютъ книги, а между прочимъ—и «Вертеръ» съ довольно ѣдкою надписью.

Обманутый любовникъ.

Въ одномъ плащѣ въ часы разсвѣта
Откуда, холодомъ гонимъ,
Бѣжишь ты такъ? Теперь не лѣто
И ты, мой другъ не пилигримъ!
Къ вершинѣ снѣжной, босоногій,
Безъ панталонъ и безъ сапогъ,
Ты пробѣжалъ лѣсной дорогой:
Какъ допустить ты это могъ?

Всю ночь ты нѣгой упивался:
Не ждалъ ты бѣдствія тогда!
Спасибо, плащъ еще остался,
А то сгорѣлъ бы со стыда.
Увы, ты былъ обманутъ тяжко!
Всё платье ты оставилъ тамъ,
Ограбленъ до-чиста, бѣдняжка,
И нагъ, какъ праотецъ Адамъ!

О для чего отважнымъ взоромъ
Запретный плодъ ты отыскалъ,
Что тамъ, за мельничнымъ заборомъ
Красою райскою сверкалъ!
Ты не вернешься больше къ милой,
Ты безъ оглядки мчишься въ даль
И только пѣсней унылой
Ты можешь выразить печаль.

«Увы душѣ ея, казалось,
Измѣна такъ чужда была!
Она со мною наслаждалась —
И замышляла столько зла!

Амура сладостныя ласки
Мы съ ней дѣлили безъ конца...
О, дѣвъ чарующія глазки!
О, дѣвъ коварныя сердца!
«Дарами страсти наслаждаться,
Всю ночь, любовію горя
И—Боже!—мать позвать рѣшиться
Едва забрежжилась заря!
И тутъ явился, о проклятье!
Десятокъ родственниковъ вмигъ
Кузены, дяди, тѣтки, братья;
Пошелъ и шумъ, и гамъ, и крикъ!
«Хитрецъ Амуръ!») всегда положить
Любви предѣлъ въ ея пути:
Конечно, плодъ любви не можетъ
Сто лѣтъ на мельницѣ цвѣсти.
Они мое стащили платье
Хотѣли даже плащъ унести:
Какъ въ тѣсный домикъ, о проклятье,
Могла вся эта сволочь влѣзть!
«Вскочивъ, сгорая жаждой мести,
Я на измѣнницу взглянулъ:
Увы, коварная, по чести,
Была мила! Я лишь вздохнулъ...
Они невольно уступили
Безумной ярости моей,
Но брань и крикъ не прекратили—
За дверь я кинулся скорѣй.
«О деревенскія дѣвицы!
И вы не лучше городскихъ!
Пускай бы женщины столицы
На помощь звали слугъ своихъ;
Но вы—когда вы все познали,
Когда у васъ ужъ чести нѣтъ—
Вы бъ хоть любовниковъ мѣняли,
А обнажать ихъ вамъ не слѣдъ!»

Амуръ—богъ любви.

Такъ онъ поеть, поеть съ тоскою,
Изябши, мраченъ и уныль,
А я надъ злой его судьбою
Смѣюсь: ее онъ заслужилъ.
Пусть будетъ тоже, что съ тобою,
Со всякимъ, кто кланется днемъ
Одной—на мельницѣ жъ съ другою
Проводить ночь свою потомъ.

Н. Холодковскій.

Пряха.

Въ тихой горенькѣ своей
Я пряха спокойно;
Къ прялкѣ парень подошелъ
Молодой и стройный.
Сталь хвалить меня, сказалъ,
Что пряду я чисто
И что косы у меня—
Лень же золотистой.

Да не смирно онъ стоялъ—
Не далъ мнѣ покою.
Нитка вдругъ оборвалась
Между нимъ и мною.
Хоть на пряхѣ мнѣ пришлось
Много заработку,
Но не стать хвалиться имъ
Мнѣ по околodку.

Шла я съ пряжею къ ткачу,
А сама горѣла;
Точно сердце у меня
Высочить хотѣло.
Надо мыть, бѣлить тканье,
У пруда трудиться;
А къ водѣ едва-едва
Сможешь наклониться.

То что въ горенькѣ тайкомъ
Отъ людей прядется,
Рано-ль, поздно-ль напоказъ
Выносить придется.

М. М.

Угрозы.

Однажды въ рошу я забрелъ
За милою во слѣдъ,
Догналъ и обнялъ, а она—
„Я крикну“—миѣ въ отвѣтъ.
А я: „пустъ сунутея—убью!“
И вновь припалъ на грудь—
И слышу: „тише, милый мой;
Услышитъ кто нибудь!“

Н. Гербель.

Свиданіе и разлука.

Вотъ солнце! Ахъ, пора съ ночлега!
Тѣнитъ мою разлука грудь.
Въ твоихъ лобзаньяхъ—что за нѣга!
Въ твоихъ глазахъ какая грусть!
Опущенъ взоръ, но за гонимымъ
Онъ поднять вновь—его слѣдить...
Какое счастье быть любимымъ,
Какое счастье любить.

М. Катковъ.

Ночь.

Не тоску уединенья
Намъ приносить мракъ ночей:
Ночь дана для наслажденья,
Для бесѣдъ въ кругу друзей.
И какъ жены—поль прекрасной
Составляютъ межъ людей,
Такъ и ночи сумракъ страстный
Часть благая жизни сей!
Если день насъ огорчаетъ,
Развѣ ночи намъ не жаль?

День блаженства разрушаетъ
И несетъ одну печаль;
Да и ночь дана на радость!
Вѣрьте милые друзья;
Есть своя у ночи сладость
И у дня печаль своя.

Н. Холодковскій.

Всегда и вездѣ.

Будь любезная далеко
Такъ какъ западъ отъ востока—
Но любви чего нельзя?
Степь и Море—ей стезя,
Сердце всюду стражъ и плата:
Къ милой шагъ и—до Багдата! ¹⁾

А. Бестужевъ.

Выборъ.

Злые люди много толковъ
И язвительныхъ рѣчей
О моей подругѣ милой
Распустили межъ людей
Но чему же я повѣрю:
Ихъ ли чернымъ клеветамъ
Или яснымъ точно, небо,
Голубымъ ея глазамъ?
Выборъ ясенъ—прочь сомнѣнья!
Безотчетно вѣрю я,
Какъ дитя, глазамъ любезной:
Въ нихъ видна душа ея.

Θ. Миллеръ.

4. Близость.

Часто мы другъ другу чужды,
Далеки въ толпѣ людей.
Свѣтъ ли шумъ тому виной—
Право, знать намъ мало нужды.

¹⁾ Багдаты—городъ въ Азіатской Турціи.

На безлюдьи въ тишинѣ
Близость нашу мы почуемъ —
И знакомымъ поцѣлуемъ
Тотчасъ скажешься ты мнѣ.

М. М.

Пѣсня Клары.

И веселыхъ,
И тяжелыхъ
Думъ скопилось много.
И томишься,
И боишься:
Счастье и тревога!
И ликуешь,
И тоскуешь,
И душа страдая,
Замираетъ.
Счастье знаетъ
Лишь любовь святая.

Н. Гербель.

Чудесный цвѣтокъ.

(Пѣснь пльвнаго графа).

Чудесный знаю я цвѣтокъ,
За нимъ стремлюсь я въ поле,
Но ахъ какъ жребій мой жестокъ
Сижу въ тюрьмѣ, въ неволѣ!
Какъ тяжело жить, въ плѣну томаясь!
Когда я воленъ былъ не разъ
Цвѣткомъ тѣмъ любовался.
Теперь я въ башнѣ заключенъ:
Ни тѣ цвѣты, ни пашни,
Ни лѣсъ не видны изъ окна
Моей тюремной башни.
Я назову вамъ сей цвѣтокъ:
Здѣсь камни да сухой песокъ —
Онъ здѣсь расти не можетъ.

Ростеть онъ тамъ, гдѣ надъ ручьемъ
Жена моя гуляетъ
И о супругѣ дорогомъ,
Тоскуя вспоминаетъ.
«О не забудь меня, другъ мой!»
Цвѣтокъ срывае голубой,
Она къ нему взываетъ.
И этотъ шопотъ слышенъ мнѣ.
Ахъ, для любви глубокой
Пространства нѣтъ! Здѣсь въ тишинѣ,
Въ темницѣ одинокой,
Когда тоска мнѣ давить грудь,
Шепчу и я: «о не забудь!»
И къ жизни возвращаюсь.

Ө. Миллеръ.

Подмастерье ювелира.

Напротивъ, въ лавочкѣ, живетъ
Сосѣдка молодая
Едва работы часъ придетъ—
Уже гляжу туда я.
Бую я перстень золотой;
Работаю, мечтаю
Сковать колечко намъ съ тобой,
Малютка дорогая!
Народъ уйдетъ, она идетъ
За прялку, припѣвая—
И знаю я, что вновь прядетъ
Сосѣдка молодая.
Прядетъ она, слегка ногой
На прялку наступаая,
А на ногѣ подарокъ мой—
Подвязка шелковая,
И къ алымъ губкамъ нить порой
Подносить дорогая.
О, если бъ былъ я нитью той—
Прильнулъ бы къ нимъ тогда я!

Н. Холодковский.

Крысоловъ.

Я музыкантъ-пѣвецъ чудесный
И крысоловъ притомъ извѣстный,
Бъ тому жъ пѣвецъ я сладкогласный,
Ловецъ дѣвицъ весьма опасный:
Въ какой я городъ не приду,
Вездѣ устрою имъ бѣду.
Какъ ни была бъ робка красотка,
Какъ ни была бъ скромна молодка
Отъ пѣсенъ, отъ игры моей
Не устоять навѣрно ей.

Ө. Миллеръ.

Новая любовь — новая жизнь.

Что съ тобой вдругъ, сердце стало?
Что ты ноешь? что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя расталковать?
Всё исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило.
Гдѣ безпечность? гдѣ покой?
Ахъ! что сдѣлалось съ тобой?
Я не воленъ, очарованъ;
Я къ неволѣ золотой,
Обезсиленный прикованъ
Шелковинкою одной.
И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья...
Радъ тоскѣ; хочу любить...
Видно, сердце, такъ и быть!

В. Жуковский.

Къ мѣсяцу.

Ты блеснулъ и просвѣтлѣлъ
Тихо темный лугъ:
Такъ улыбкой нашъ удѣлъ
Озаряетъ другъ.

Скорбь и радость давнихъ лѣтъ
Отозвались мнѣ—
И минувшаго привѣтъ
Слышу въ тишинѣ.
Лейся, мой ручей стремись!
Жизнь ужъ отцвѣла.
Такъ надежды пронеслись;
Такъ любовь ушла.

В. Жуковский.

Новая любовь — новая жизнь.

Сердце, сердце, что такое?
Что смутило жизнь твою?
Что то странное, чужое:
Я тебя не узнаю!
Всё прошло, что ты любило,
Все о чемъ ты такъ грустило:
Трудъ и отдыхъ все прошло—
До чего уже дошло!
Иль тебя цвѣткомъ росистымъ,
Эта дѣвственность чела,
Взоромъ кроткимъ, нѣжно чистымъ,
Своевольно увлекла?
Вдругъ хочу отъ ней укрыться,
Встрепенуться, удалиться,
Но мой путь еще скорѣй
Вновь, увы, приводитъ къ ней.
И меня на нити тонкой,
Безнамѣренно шутя,
Своевольною ручёнкой
Держить дѣвочка-дитя:
Красоты волшебной сила
Кругъ волшебный очертила.
Что за странность?— какъ во снѣ!
О любовь дай волку мнѣ!—

А. Фетъ.

Изъ вечерней пѣсни старика.

Я крадусь полемъ, тихъ и дикъ,
Взведенъ курокъ ружья.
Опять твой свѣтлый, милый ликъ
Мечтами вижу я.
Тоска и грусть сдавили грудь...
Я исходилъ весь свѣтъ:
Къ востоку путь, на западъ путь —
Къ тебѣ дороги нѣтъ!

М. М.

26. Изъ стихотворенія „Моя Богиня.“

Прославимъ Создателя
Могучаго, пославшаго
Намъ Радость—Фантазію!
Въ сей жизни, гдѣ радости;
Прямья—лучъ молнии,
Онъ далъ намъ въ ней счастье,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную,
И съ нею насъ цѣпью
Сопрягъ нераздѣльную
«Да будешь», сказалъ онъ ей,
«И въ счастья, и въ горести
Имъ вѣчная спутница,
Утѣха, прибѣжище!»
Ласкайте прелестную!
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ,
Чтобъ вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку, не вздумалось
Её переучивать,
Пугать укорижами

И мучить упреками!
Я знаю сестру ея,
Степенную тихую...
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простишься со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго
Намъ твёрдость и мужество
И силу дающая
Надежда отрадная!

В. Жуковский.

Не спрашивай.

Не спрашивай, не вызывай признанья:
Молчанія лежитъ на мнѣ печать:
Все высказать — одно мое желанье:
Но втайнѣ я обречена страдать.
Другимъ дано въ часъ скорби утѣшенье,
Указанъ другъ, чтобъ сердце облегчить:
Мнѣ-жь съ клятвой на устахъ дано терпѣнье
И только Богъ ихъ можетъ разрѣшить.

А. Струовицковъ.

Зюлейка и Гатемъ.

З ю л е й к а.

По Евфрату разъ плыла я
И съ руки подарокъ твой
Уронила я, играя,
Въ воду перстень золотой.

—
Тожъ мнѣ снилось — сводъ небесный
Быль ужъ утромъ озаренъ
Мой пророкъ, поэтъ любезный,
Разгадай мнѣ этотъ сонъ.

Г а т е м ъ.

Милый другъ, его значенье
Объяснить не трудно мнѣ.
Съ моремъ дожа обрученъе¹⁾
Я рассказывалъ тебѣ.

Тамъ теперь Евфрата волны
Поглотили перстень мой...
Я пою восторга полный
«Дѣва, сонъ прекрасенъ твой».

Я пришелъ изъ Индостана
И къ Дамаску на пути
Ожидаю каравана
Къ морю Красному идти.

Но ужъ связанный вѣнчаньемъ
Съ этой рощей и рѣкой,
До послѣдняго лобзанья
Навсегда останусь твой.

Θ. Миллеръ.

16. Утренняя пѣснь художника.

Я возвращаюся—и ты
Приходъ встрѣчаешь мой
Съ любовью, милая... Ахъ нѣтъ!
Не ты, а образъ твой!
О, какъ сгоралъ и трепеталъ
Отъ страсти прежде я,
Когда склонялась ты ко мнѣ
Красавица моя!

¹⁾ Въ средніе вѣка, когда Венеція составляла самостоятельную республику, главное ея лицо Дождь (т. е. герцогъ), избравшійся на всю жизнь ежегодно совершалъ торжественный обрядъ обрученія съ Адриатическимъ моремъ, при чемъ бросалъ въ море золотое кольцо.

О, возвратись, мой милый другъ,
Въ объятія мои!
Не надо мнѣ кровавыхъ битвъ:
Я жажду лишь любви!

Н. Гербель.

17. Пѣвецъ и Король.

«Что тамъ за пѣсня на мосту
Подъемномъ прозвучала?
Хочу я слышать пѣсню ту
Здѣсь, на срединѣ зала!»
Король сказалъ—и пажъ бѣжить...
Вернулся; снова говорить
Король: «введи къ намъ старца!»
— Поклонъ вамъ, рыцари, и вамъ,
Красавицы младыя!
Чертогъ подобенъ небесамъ:
Въ немъ звѣзды золотыя
Слилися въ яркій полукругъ.
Смежитесь, очи: недосугъ
Теперь вамъ восхищаться!—
Пѣвецъ закрылъ свои глаза —
И пѣснь взнеслась къ престолу:
Въ очахъ у рыцарей гроза,
Красавицъ очи—долу.
Пѣснь полюбила къ королю:
«Тебѣ въ награду я велю
Поднести цѣпь золотую.»
— Цѣпь золотая не по мнѣ!
Отдай ее героямъ,
Которыхъ взоры на войнѣ —
Погибель вражьиѣ строямъ.
Ее ты канцлеру отдай—
И къ протчимъ ношамъ онъ пускай
Прибавить золотую.

— Я вольной птицею пою
И звуки мнѣ—отрада!
Они за пѣсню за мою
Мнѣ лучшая награда.

П. Н. Полевою.

Изъ оды „Божество въ человѣкѣ“.

Будь благороденъ, человѣкъ,
Будь къ помощи готовъ и добръ!
Знай только въ этомъ
Твое отличіе
Отъ всѣхъ созданій,
Коихъ ты знаешь».

Н. Холодковскій.

Пѣсня (изъ романа «годы странств. Вильг. Мейстера).

Я всѣ связи разрываю:
Цвѣтъ надеждъ моихъ разбить,
Я въ душѣ скорблю и знаю
Почему судьба велитъ
Мнѣ сносить скитанья муку,
Такъ вдали, всегда грустить
И съ однимъ терпѣть разлуку,
Чтобъ съ другимъ тоскуя жить.

II.

Смѣло, смѣлою стопою
Вдаль иди, иди впередъ!
Бодрый тѣломъ и душою,
Вѣрь, вездѣ пріютъ найдешь.
Солнца свѣтъ вездѣ пріятень:
Прочь забота, прочь печаль!
Міръ затѣмъ такъ необъятенъ,
Чтобъ вездѣ мы мчались вдаль.

19. (Изъ 1-й части) монологъ Фауста.

Я философію постигъ,
Я сталъ юристомъ, сталъ врачомъ...

Увы! съ усердьемъ и трудомъ
Я все узналъ, во все проникъ—
И не умнѣй я подъ конецъ,
Чѣмъ прежде: жалкій я глупецъ
Магистръ и докторъ я—ужь вотъ
Тому пошелъ десятый годъ:
Учениковъ и вкривь и вкось
Вожу я за носъ на авось—
И вижу все жъ, что не дано намъ знанья.
Изыла грудь отъ жгучаго страданья!
Пусть я умнѣй магистровъ и поповъ
Пусть нѣтъ во мнѣ, тревожащихъ сомнѣній
Пусть не боюсь чертей и привидѣній
Пусть въ адъ спуститься я готовъ—
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истину ищу,
Зато, когда людей учу,
Я научить ихъ не мечтаю,
Я благъ земныхъ не испыталъ,
Я почестей людскихъ не зналъ.
Собачья жизнь! Погибли годы!

11. Напоминаніе.

Долго-ль вдаль тебѣ стремиться?
Вѣдь добро передъ тобой.
Лишь умѣй ты ухватиться,
Счастье вѣчно подъ рукой.

М. М.

Изъ ст. Завѣщанія.

И если ты свой умъ устроилъ,
И твердо лозунгъ свой усвоилъ:
«Что плодотворно, только въ томъ
Есть истина»—то безъ волненья
Толпы выслушивай все мнѣнья

И соглашайся—съ меньшинствомъ.
«Направь свой взоръ пытливый
Въ глубь души своей правдивой,
Чтобъ въ ней рѣшимость почерпнуть;
Тамъ высшихъ правилъ сводъ и повѣсть:
Самостоятельная совѣсть
Во всѣхъ дѣлахъ твой свѣточъ будь!»

Н. Холодковский.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Въ предисловіи ко второму тому, изданнаго подь его редакціей, собранія сочиненій Гёте, Н. В. Гербель, между прочимъ, пишетъ: «Гёте былъ изъ той породы великихъ стойковъ,¹⁾ согражданъ всего человѣчества, которые, возвысясь надъ приграничными соперничествами и ненавистью, надъ королевствами и республиками, создалъ въ личныхъ своихъ взглядахъ идеальное государство — «интеллигенціи и высоты душевной» — человѣческій символъ царства Божьяго. Никто изъ современниковъ не носилъ въ себѣ такого великаго идеала о человѣчествѣ. Таковъ былъ Гёте: врагъ революцій и тѣхъ, которые ихъ производятъ, далекій отъ пристрастія къ государямъ, которые подаютъ къ нимъ поводъ своимъ бездѣйствіемъ или развратомъ; весьма мало увлекавшійся сентиментальными химерами «божественнаго права», но непримиримый противникъ низкихъ инстинктовъ демократіи и ухищреній, извлекающихъ изъ нихъ свою, частную, пользу; ищущій убѣжища отъ немощной бѣдности дѣйствительности въ высокихъ утопіяхъ промышленной цивилизаціи и мирной свободы, въ которыхъ возьметъ, наконецъ, перевѣсъ идея человѣчества и которыя навсегда сдѣлаютъ невозможными революціи — эти самоубійства народовъ и войны — эти братоубійства націй.

Гете чувствуетъ естественное отвращеніе ко всему, что суживаетъ кругозоръ мысли: къ застою, отсталости и ненависти; какъ человѣкъ и гражданинъ, поэтъ долженъ былъ любить свое отечество, но истинное его отечество было: — все доброе, благородное, прекрасное, не принадлежащее исключительно ни одной національности».

И, по счастливой случайности, 150 лѣтній юбилей Гете падаетъ въ годъ, когда его идеи начинаютъ раздѣляться многими правительствами и, въ особенности, — правительствомъ Россіи.

¹⁾ Стойками назывались послѣдователи ученія греческаго философа Платона.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Предисловіе.	
Біографія Гёте.	1
Прибавленіе: краткій обзоръ содержанія нѣкоторыхъ поэти- ческихъ произведеній Гёте и выдержки изъ таковыхъ, въ переводѣ—русскихъ писателей.	38
Заключеніе.	95
